

Мария Гарзийо

Замуж за
миллионера

или Каннский
круговорот

16+

Мария Гарзийо
Замуж за миллионера

«Автор»

2016

Гарзийо М. В.

Замуж за миллионера / М. В. Гарзийо — «Автор», 2016

Шопар, Феррари, Карлтон... бесконечное дефиле преуспевающих транжир — как, живя в окружении соблазнов и роскоши, удержать голову на плечах? 35-летняя Лиза Кравченко задается целью выйти замуж за миллионера. Кандидатом в мужа она выбирает молодого юриста, выигравшего в лотерею 150 миллионов. Читателю предстоит узнать, удастся ли героине воплотить в жизнь свой план, и что из этого всего выйдет.

© Гарзийо М. В., 2016

© Автор, 2016

Каннский круговорот

Часть 1.

Veni, vidi, vici

Глава 1.

Мой мужчина, мои подруги.

Я влюбилась в него с первого взгляда. Окончательно и бесповоротно. Мое маленькое глупое сердечко алой бабочкой выпорхнуло к нему на встречу. А опустевшее тело осталось стоять на месте, впечатавшись ступнями 39-го размера в запотевший тротуар.

Это судьбоносное мгновение очертило белым мелом новую жирную линию отсчета моего существования. Все, что было до встечи с ним, развеялось в серой дымке забвения. Мысли о нем многочисленным вражеским войском захватили мою черепную коробку, жестоко расправившись с обитавшими там ранее повседневными неважностями. Эти безжалостные триумфаторы безудержно праздновали свою победу весь вечер и всю ночь. Их бесстыжие тени плавали в пузыристом трюфельном муссе, которым подчевал меня шеф-повар на ужин. Их размытые силуэты отражались на пупырчатой поверхности бокала Laurent Perrier. А позже в темном номере отеля их дерзкий надоедливый шопот превратил меня из участницы в вялого податливого созерцателя любовной гонки за удовольствием. Когда мой любовник уgomонился, великодушно простив мне мою безучастность или попросту не заметив ее, окончательно обессилив, я целиком и полностью отдалась во власть этого наваждения. Итогом полубессонной ночи стали вынырнувшие из под слоя ботокса морщинки вокруг глаз и твердая решимость завладеть предметом моих мытарств. Поставленных целей я привыкла добиваться. Очень скоро мои мечты обрели реальные очертания.

Я сижу в кресле в старомодном номере Мартинеза, одном из тех, до которых еще не добралась умелая рука реставраторов, и мусую первую за это утро сигарету. Передо мной он, эпицентр моей страсти, единственный, неповторимый, столь вожденный... необходимый мне как воздух... лежит на ковре, неловко распластавшись. Мы провели вместе восхитительную ночь, наполненную до краев музыкой, шампанским и волшебным ощущением праздника. Но серое бессолнечное утро по привычке смело пыльным отрезвляющим веником весь искристый налет неповторимости, вернув меня из сказки обратно в безликий быт. Моя пылкая влюбленность, смущенно завернувшись в отельное полотенце, выскользнула из номера, аккуратно прикрыв за собой дверь. Я смотрю на него и не верю, что еще совсем недавно все мое существо было пропитано им... этим мятым отрезком шелка с квадратной бирочкой Ланван и четырехзначным ценником.

В ванной затихает шелест водных струй. Я наблюдаю краем глаза как из душевой кабинки осторожно, чтобы не поскользнуться, вылезает обнаженный мужчина. Оказавшись перед зеркалом, этот 45-47-летний господин мгновенно подбоченивается, приосанивается, пытаясь знакомым всем его молодящимся собратям способом на вдохе переместить лишний объем с области живота вверх на грудную клетку. Оставшись судя по выражению небритого лица вполне довольным этим минутным перевоплощением, он заворачивается в мягкий белый халат и переступает порог ванной комнаты.

– Ты уже не спишь, – достаиваюсь я ценнейшего наблюдения.

Мотаю головой и, затянувшись, наконец, сигаретой, чувствую, как блаженный вредный дым заполняет мои легкие.

– И уже куришь, – продолжает сыпать открытиями мужчина в халате.

Киваю, уставившись в потолок. Наверно стоило бы быть с ним поласковее. Может быть, подойти, чмокнуть в щеку, спросить, хорошо ли он спал. Вроде так принято у нормальных людей. Только к категории этих самых «нормальных» я уже давно не отношусь. К счастью. Наверно.

Вообще этот американец какого-то запутанного канадо-еврейского происхождения (расписал он свои родовые корни красочно и подробно, но в отсутствии планов породнения с ним слушала я повествование одним и тем не очень внимательным ухом) не вызывает у меня отрицательных эмоций. Он хорошо воспитан, вежлив предусмотрителен и в меру щедр. По ту сторону одеяла непротивен, но, как оказалось, через чур поспешен. Вчера вечером, заложив неплохое начало в виде вполне приемлимых прилюдий (не говоря уже о крупной порции афродизиака – подаренного платья), этот успешный финансист вдруг куда-то страшно заторопился. Как будто кто-то шепнул ему в ухо, что акции вот-вот подпрыгнут и их срочно надо скупить. Прямо сию секунду. Делец перешел на пятую скорость, проигнорировав предыдущие, и досрочно достиг финишной прямой. Ура, акции куплены. Ненаделенная деловой хваткой, я быстро отстала, проводив печальным взглядом ускользающую вдалеке искру удовольствия. Ну, ничего, зато у меня было заветное платье. А это поважнее очередного плоского приглушенного шампанским оргазма.

Впрочем я отвлеклась. Саймон (а именно так зовут моего состоятельного торопыгу) неодобрительно качает головой. Должно быть, ему не нравятся курящие женщины. По всем правилам жанра он уже много лет нерушимо женат на какой-нибудь розовощекой домашней Дороти. И возвращаясь с очередной деловой поездки, этот эпизодически неверный муж наверняка привозит своей благоверной какую-нибудь приятную безделушку от Ван Клиф или Картье. А потом, созерцая подаренное украшение на шее жены, прокручивает в памяти фотографии «о, а это Камилла после сделки в Мадриде», «а это Вероника, важный контракт в Москве». Ох, в какие дебри меня занесло с утра пораньше. Похоже, алкогольные пары все еще не выветрились из моей легкомысленной головы.

– Хочешь, я закажу завтрак в номер? – неуверенно предлагает Саймон.

Он старательно пытается наклеить на физиономию радостно благодушное выражение, за что я очень ему благодарна. Однако я прекрасно понимаю, что общаться со мной ему не охота. Мы провели вместе четыре дня, в течение которых каждый из нас в меру завуалировано стремился к своей цели. Моей, как несложно догадаться, было платье Ланван. Что касается намерений Саймона тут вообще все прозрачнее не бывает. Получив желаемое, мы сразу сделали друг друга неинтересны.

– Я не голодна, – великодушно вру я.

Вот вам, милый Саймон, подарок за вашу любезность.

– И мне, честно говоря, надо идти.

Мужчина неумело изображает печаль по поводу столь поспешного расставания. Актер из него никакой. Еще хуже чем любовник.

– Я был очень рад с тобой познакомиться! – целует он меня в висок, когда я, уже одетая, задерживаюсь у дверей, – Возможно я еще приеду в Канны в этом году...

Или в следующем. Или через два. По правде сказать, мне плевать, Саймон.

– У меня есть твой номер.

– Ага, звони, если приедешь, – бормочу я, проскальзывая мимо него в холл и прикусывая язык, чтобы не ляпнуть совсем уж неуместное «привет жене!».

Круазетт утопает в мягком влажном утреннем тумане. Работники частных пляжей лениво раскладывают лежаки. Неутомимые местные пенсионеры занимают места на синих железных стульях для просмотра бесконечного пестрого и разнообразного спектакля под названием «Канны». Я бреду домой, сжимая в руках картонный пакет с платьем и купленными

в комплекте туфлями, и мне почему-то страшно хочется разрыдаться. Причин поливать знаменитую набережную горячими слезами на первый взгляд не наблюдается. Неделя прошла совсем неплохо. В веселом искристом летнем ритме. Вобрав в себя все привычные, но от этого не менее желанные радости. Откуда же взялась эта темная неровная клякса на белоснежном листе моего настроения? «Должно быть, месячные скоро» – легкомысленно пожимает оголенными плечиками моя внутренняя Блондинка, «Ерунда!» «Ага, ерунда, как же» – презрительно хмыкает Брюнетка, прикуривая сигарету, «Ты только глянь на нее! 35 лет бабе. Ни дома у нее своего, ни приличного счета в банке, ни золотых слитков под кроватью! О яхте я уже не говорю! Все порхает по жизни от платья к платью, от мужика к мужику... а толку чуть!» «Ну и что с того? Она гедонистка! Для нее главное сиюминутное удовольствие» не соглашается светленькая. «Что-то на физиономии у нее это удовольствие не написано» качает головой темненькая. Они обе правы.

Начнем с того, что мне действительно недавно исполнилось 35. Если в России все мужское население давно бы уже перенесло меня из разряда сексуального объекта в старушеский металлолом, то здесь, на юге Франции понятия возраста как такого не существует. Женщина всегда остается женщиной, будь ей 25 или 65. Многие мои старшие подруги, накачавшись до ушей силиконом и ботоксом, встречаются с весьма состоятельными и обаятельными мужчинами значительно моложе себя. Некоторые местные француженки вообще ударились в крайность, создав новомодное движение cougar. Эти небедные вдовы и разведенные дамочки, удачно распотрошившие банковский счет бывших мужей, увлеченно охотятся на закате лет за совсем зелеными юношами. Равенство полов, будь оно неладно. Если седовласым дедушкам позволено окружать себя длинноногими нимфами, годящимися им во внучки, то чем бабушки хуже? На мой взгляд, подобный дисбаланс выглядит смешно и жалко. Впрочем, кто я такая, чтобы их судить? Кто знает, в каком виде я сама перешагну 50-летний рубеж. В общем, это я все к тому, что цифра «35» не припечатала меня к земле тяжелой плитой с надписью «УЖЕ». Я совсем неплохо выгляжу. Регулярные занятия в тренажерном зале, свои, проверенные годами, парикмахер и маникюрша, десяток сеансов Cellu M6 ежегодно перед началом сезона, легкие вкрапления ботокса и гиалурконовой кислоты каждые 6 месяцев, комплект кремов Ла Прери... в общем весь необходимый прожиточный минимум в наличии. Еще некоторое время можно проехать на коньке под названием «внешность». Но уже без свойственной 18-летней диве безопасности. В замечаниях моей внутренней брюнетки есть доля здравого смысла. Пора уже начинать задумываться о вечном, закладывать первые кирпичики в фундамент безбедной старости. И сдается мне, что в этих строительных работах подобные Саймону курортники мне не помощники. Конечно, у меня есть Тьерри. Старый капитал, старые традиции.

С 57-летним женеvским бизнесменом Тьерри Сешо я познакомилась четыре года назад на традиционной вечеринке Шопар вовремя каннского фестиваля. Этот ценитель прекрасного сразу обратил внимание на мое «недозволенно пустующее», как он тогда отметил декольте. Пустующее в плане должного ювелирного обрамления, на дары природы мне грех жаловаться. Я, конечно, помялась для вида, изобразила из себя независимую девственницу, ожидающую в холле Карлтона очередного трамвая. Но милое ненавязчивое внимание, и еще более милые и ненавязчивые презенты нового знакомого быстро отвадили рогатый общественный транспорт, заменив его на уютный салон Ягуара. Я никогда не была влюблена в Тьерри (Боже упаси, чтобы такой казус вообще со мной еще когда приключился), но с самых первых дней наших отношений он пробудил во мне какую-то дочернюю привязанность и нежность. Мне ни разу не пришлось притворяться, пряча за мнимыми охами-вздохами бурлящее внутри отвращение. Мне на самом деле было хорошо с этим мужчиной. Хорошо, и на удивление легко, как будто мы знали друг друга целую вечность. Он ни разу не унизил ни себя, ни меня малейшим намеком на финансовую подоплеку наших отношений. А у меня хватило ума отнестись с уважением к его нерушимому семейному статусу. Нас обошли стороной ураганы ссор, в эпицентре которых так

часто оказываются несовпадающие планы на будущее или ревность. Думаю, что Тьерри догадывался, что в его отсутствии (которое длилось дольше, чем присутствие) я не гнушалась свиданиями и недолговечными интрижками. Но с его губ не слетело ни намека, ни упрека. Любил ли он меня? Глупый вопрос, который мне не довелось задать даже самой себе. Даже после магнума шампанского. Я знала, что он ценил меня. А это в сто раз важнее всякой сентиментальной шелухи. На третий месяц нашего «общения» Тьерри снял мне двухкомнатную квартиру с очаровательной террасой в недавно отреставрированном особняке на улице Антиб. На пятый сделал меня обладательницей чудесного алого Мини-Купера, о котором я до этого мечтала ни один год. Что касается всякой жизненноважной мишуры вроде платьев и туфелек, для этого мне был открыт отдельный личный счет «на карманные расходы». В Канны мосье Сешо навещался в среднем не чаще раза в месяц. Бывало, что его отлучки затягивались, зато потом он старался остаться подольше. Мы проводили время на его вилле, расположенной на холме в районе Канн Калифорнии, придавались гастрономическим излишествам в звездных ресторанах «Лазурки», загорали на корме его небольшой, но элегантной яхты под названием «le Rêve». «Мечта». Моя жизнь казалась мне порой воплощением мечты. При чем гораздо более ярким и дерзким, чем размытое временем очертание этих былых фантазий. Однако, я вынуждена изложить нашу с Тьерри историю в прошедшем времени. Не то, чтобы этот прекрасный образчик мужчины совсем канул в Лету, лишив меня своего приятного общества и немалой приятной денежной подпитки. Счета за квартиру продолжают регулярно оплачиваться его невидимой рукой, и мой «кармашек» тоже не пустует. Но вот последняя наша встреча датируется концом мая, а сейчас на дворе август. Свое длительное отсутствие на Лазурном берегу и в моих объятиях Мосье Сешо объясняет дурным самочувствием супруги. Во время последнего своего приезда он выглядел непривычно усохшим, скрючившимся и каким-то опустевшим изнутри, как будто из него вынули сердцевину. Его вид потряс меня тогда до глубины души. Я привыкла к вечно молодому и полному сил Тьерри оптимисту, шутнику и умелому рассказчику. В тот вечер в Шантеклере напротив меня сидел утомленный жизнью старик, разбавляющий неладящуюся беседу совершенно несвойственными былому швейцарскому жизнелюбу жалобами на «скудную фантазию» шеф-повара и «недозволительную примитивность блюд». Мосье СеШо в пору было переименовать в Мосье СеФруа[1]. Даже от секса в ту ночь он вежливо, но настойчиво отказался, сославшись на головную боль. И это Тьерри, которому не знаком был ни один недуг! С тех пор мы несколько раз говорили по телефону, но это были в основном поверхностные, ничего не значащие бытовые диалоги, за которыми не слышалось ни нежности, ни страсти. Моя приобретенная деликатность не позволила сделать попытки пробраться в душу моего милого друга и откопать источник этой внезапной перемены. Возможно, им действительно было пошатнувшееся здоровье жены, которую он обычно высокопарно величал «моя дражайшая супруга», и, я уверена, в глубине души преданно любил. Может быть, он почувствовал, что в этой изученной до морщинки женщине, которую он десятилетиями принимал как данность, и есть главный смысл его собственного существования. И испугался. А может, мой пожилой Дон Жуан повстречал на каком-нибудь коктейле прелестное молодое создание, столь свежее и блистательное, что оно запросто затмило знакомый образ каннской любовницы. И дабы не обижать эту самую любовницу Тьерри скормил ей под бокал шампанского миф о больной жене, столь древний, что им, должно быть, еще пользовался один из тех слонов, что держат мир. Как бы то ни было, невеселый результат остается тем же. Я не могу с уверенностью сказать, сколько еще просуществует денежный источник мосье Сешо. Год? Пару месяцев? И что дальше? Допустим, что, не будучи совсем уж безголовой тряпичницей, кое какие средства за время союза с Тьерри я все-таки сберегла. Этих накоплений может хватить на полгода квартплаты и приличного существования. А потом придется распродавать украшения, сумки и (Боже упаси) расстаться с моей красной Минькой. Нет, доводить ситуацию до такого края недозволительно! Надо срочно искать серьезный стабильный вариант, который сможет не про-

сто заменить Мосье Сешо, а реально обеспечить мне материальную платформу на грядущую старость. Как насчет древнего старика миллиардера, который скоростно скончается на выходе из церкви, удачно завещав свои миллиарды молодой супруге? «А это идея!» хихикает блондинка, успевшая с утра уже изрядно набраться шампанским. Брюнетка красноречиво вертит пальцем у виска.

Я пристраиваюсь за столик в маленьком кафе недалеко от дома, прошу знакомого официанта Жюльена принести мне американский кофе с парочкой не сильно поджаренных круассанов и выбиваю из пачки сигаретку. Наверно стоило бы бросить эту пагубную привычку курить. Всем известно, что табак портит зубы и кожу. Зато как выгодно можно продемонстрировать безупречный маникюр и недавно приобретенное колечко Картье! И мне всегда, почему-то казалось, что курящим женщинам присущи какие-то особенные элегантность и загадочность. Айфон звенит сообщением. Подруга Жанна предлагает встретиться. «Привет, Люлю, сто лет не виделись! Приезжает Аришка. Сегодня в 8 в Перле?»

Когда-то давно мы были почти неразлучны. Как три мушкетера без Дартаньяна. Друг за друга горой. У нас были свои нерушимые догмы, вроде «никогда не оставлять пьяную подругу в компании малоизвестных мужчин», или «кто первый застолбил спонсора, тот его и разводит». Ляля, Нана и Риша. Золотая троица светских львиц Лазурного берега. Как же давно это было... Как будто в другой веселой, беззаботной, искрящейся брызгами Кристалл Родерер жизни.

Мы познакомились шесть лет назад в Сан Тропе. Я тогда еще была совсем молода и недопустимо наивна. Мое прибытие во Францию исчислялось несколькими месяцами. Я глазела по сторонам восторженными, ослепленными южным солнцем глазами, и едва верила увиденному. Все вокруг мне казалось невообразимо прекрасным. В том числе и встреченный на набережной Ниццы итальянец Стефано. На нем были ярко синие мокасины неизвестного мне в ту пору брэнда, недозволенно сильно распахнутая на загорелой груди полосатая сорочка и печать успешного, уверенного в себе прожигателя жизни. А как ласкали слух его певучие «белла, беллиссима»... В общем на следующий день после знакомства Стефано пригласил меня в Сан Тропе на пляж Вуаль Руж. Там на алых подушках нас подждал приятель моего итальянца Массимо со своей спутницей, которую он, представил нам как Жанну. Девушка мгновенно вызвала у меня симпатию. Ниже меня ростом, тощая до костлявости, с задорным мальчишеским ежиком на голове, она явно не годилась мне в конкурентки. В довершение картины на ней был явно не фирменный бикини, проживавший свою вторую, а то и третью молодость. Я же представляла собой (и до сих пор таковой являюсь) привычное иностранцам клише славянки. Рост 1.78, грудь 90D, талия и бедра соответствуют, длинные светлые локоны на плечах и яркая губная помада в любое время дня и ночи. Ну и купальник на мне в тот день был Эрес. Короче говоря, невзрачная (как мне показалось тогда) Жанна мне понравилась. За бокалом ледяного шампанского мы как-то сразу разговорились. Новая знакомая поведала, что она русская из Питера, на юг Франции ее занесли авантюризм и желание забыть болезненный разрыв с каким-то талантливым художником-алкоголиком (судя по всему, пьяницей он оказался все же более одаренным, чем живописцем). В Сан Тропе она, по профессии фотограф, нашла сезонную работу продавщицы в бутике Боттега Венета. «В целом неплохо», вещала авантюристка, закусывая сочным куском арбуза, «Но начальница противная попалась. Ненавидит русских». Я спросила, сможет ли она мне сделать скидку на какую-нибудь сумочку. Жанна искренне обещала попробовать. Я тогда, кажется, тоже под влиянием пузырястого змея выдала какие-то ошметки своей биографии ДО. И нас намертво спаяло вместе нерушимое «все мужичики – козлы». Как выяснилось совсем скоро, эта неписаная истина распространялась не только на близких по крови славян. Стефано и Массимо после четвертой бутылки шампанского отправились в туалет (и как нас только не насторожил этот момент – они же не девочки, чтобы ходить писать парами!) и больше оттуда не вернулись. Мы преданно ждали кавалеров еще минут сорок, доедая арбуз и допивая веселящие пузырьки. Но они так и не появились. Зато

вместо них к нам пожаловал счет. И тут мы с Жанной мгновенно протрезвели, обнаружив, что хозяева этого милого пляжа оценили съеденный нами овощ-фрукт в 100 евро, и в списке этот полосатый гад был самым дешевым. «У меня с собой 50 евро» пробормотала продавщица. Ну а я, не наученная еще тогда горьким опытом, вообще заявила на встречу с шикарным итальянским мачо без копейки за душой. «Однако здравствуйте» выплыла откуда-то из подсознания фраза Михаила Леонтьева. Первым делом мы принялись ошалело стрелять глазами во все стороны в поисках возможного мецената. Подобного не обнаружилось. Все диванные места были заняты пестрыми шумными двуполыми сильно подвыпившими компаниями. «Эй, девчонки, сигаретки не найдется!» неожиданно окликнула нас шикарная дамочка из-за соседнего столика, безошибочно угадав в нас соотечественниц. Я машинально протянула ей пачку Вог. Красотке хватило одного беглого взгляда на наши кислые физиономии, чтобы сообразить, в чем дело. «Пересаживайтесь к нам вместе со счетом», – неожиданно подмигнула она, «Мои лоси даже не заметят». Это было необычайным везением. Мы с Жанной не заставили себя упрашивать, и уже через секунду устраивались на соседнем канapé, сверкая благодарными улыбками. «Лоси», больше напоминающие спекшихся на жарé тюленей – два розовых усатых толстопуза – приветствовали нас вялыми ухмылками. «За встречу!» скомандовала наша избавительница по-английски, разливая по бокалам пенящуюся жидкость, «Сколько лет, сколько зим!» Позже выяснилось, что спасительницу зовут Арина, и она владелица небольшого агенства недвижимости. Лосе-тюлени – ее клиенты, и все они вот уже вторую неделю отмечают подписание договора о покупке виллы в Кап Ферра. С такой девушкой, как Арина, при других обстоятельствах я бы ни за что не полезла дружить. Невооруженным глазом было видно, что до ее уровня я не дотягиваюсь, даже встав на цыпочки. Каждый квадратный сантиметр ее безупречного лица дышал ухоженностью и холеностью. Гладкие пепельные волосы, умело уложенные хорошим специалистом, идеальной формы грудь (тогда мне было не вдомек, что это силикон), токая талия, стройные загорелые ножки с аккурантым педикюром... не говоря уже об элегантном пляжном комплекте, тунике и бикини, с узнаваемым орнаментом Эмилио Пуччи, и золотистых босоножках на красной подошве. Судьба Арины в отличии от наших с Жанной взъерошенных переживаниями, казалась ровной гладью кристально чистого озера. После небольшой, судя по всему, совсем не запомнившейся ей, встряски со сменой декораций в детстве, вся ее сознательная жизнь протекла под надежным крылом матери и отчима. Последний, потративший лучшие годы на накопление капитала и посему так и не заимевший собственных отпрысков, в очаровательной Аришке души не чаял. Стоило девочке сморщить симпатичную мордашку в плаксивой гримасе, как к ее ногам моментально падал желаемый велосипед, компьютер, платице... Позднее капризы стали серьезнее. В их рядах числились молодой жеребец Блэк, новый Бэнтли и агенство недвижимости «Вилла Азур». Конечно, в тот судьбоносный день на пляже, Арина не поведала нам и малой доли своей биографии. Мы тогда просто дружно напились практически до бессознательного состояния и, расставаясь, поклялись друг дружке в вечной любви и дружбе. Мало ли подобных глупых обещаний дается под коварным влиянием алкоголя. Но наше почему-то не растаяло бесследно в отрезвляющей утренней заре, и, небрежно брошенное, семечко симпатии дало щедрые крепкие побеги.

Наверно только сейчас, бросив взгляд назад, на свой мутный портрет семилетней давности, я осознаю в полной мере, сколь ценным и необходимым для меня было то случайное летнее знакомство. От шикарной Арины я научилась всем тонкостям стиля. Она разложила передо мной ярким веером широкий спектр современных дизайнеров, объяснив, что именно, куда стоит носить, чтобы не сойти за «туриста» (а это в ее устах было страшнейшим оскорблением). Оказалось, что вовсе недостаточно иметь увесистый кошелек, чтобы выглядеть «прилично». Увидев меня на вечеринке в шерстяном логотипированном пиджаке Ральф Лорен, накинутом поверх шелкового платья, ценительница прекрасного красноречиво закатывала глаза «Наша Фрося Бурлакова пожаловала!» «Что опять не так?» не могла понять я. И Арина принималась

терпеливо втолковывать двоешнице, что с вечерним платьем дневной Ральф Лорен ну просто катастрофически не уживается. «Неужели ты не чувствуешь?» дивилась она. «Тут нужен блайзер. Или шаль Виттон!» В начале я действительно не чувствовала. Какая разница блайзер или пиджак? Они же братья! Постепенно капля Арининого старания все таки раздолбала вдребезги камень моей «фэшн-тупости», и я освоила нелегкую науку «приличного» гардероба. Кроме функции стилиста Ариша в нашей тройке выполняла так же роль гида по новомодным каннским ресторанам, барам и дискотекам. По началу ей приходилось разяснять двоим лаптям, что такое coquilles St Jacques[2], и почему британский омар лучше канадского, но французскую гастрономию, надо отдать нам должное, мы освоили на удивление быстро. Оставалась еще одна наука, жизне-необходимая молодым девушкам, задумавшим пустить корни в плодородной земле Лазурного берега. Chasse à l'homme[3]. Не смотря на эффектную внешность, Ариша не могла сделаться нашим гуру в этой области. Ей просто фатально не везло в любви. Столь утонченная в выборе одежды и сумочек, она делалась криминально неразборчивой в подборке главного женского аксессуара – мужчины. Ей вечно попадались одни лишь беспролазные подонки. Непременно богатые. Непременно на Феррари или в крайнем случае Астон Мартине, но обязательно подонки. Из ее слезных любовных историй можно было бы собрать альманах «козлы и прочие каннские парнокопытные», который навсегда бы отвядил искательниц приключений от охоты за лазурными богачами. Начиналась эти романтические сценарии всегда одинаково. Арина прилетала к нам, благоухая любовью и новым ароматом Кристиан Диор, вся такая возвышенная, воздушная, невообразимая. Нам хватало одного взгляда на ее румяные щечки, чтобы определить «очередной козел уже в стойле». «Он замечательный!» хлопала ресницами влюбленная «У него Бугатти Вейрон!» Потом она исчезала. Иногда на неделю, иногда на месяц. Реже на два. А возвращалась к нам блеклая тень Ариши. С отросшими корнями, облупившимся маникюром и потухшим взглядом. «Сволочь!» цедила тень сквозь зубы, запивая сигарету Джек Дэниелсом «Не хочет на Мальдивы, можно было на Сан Барт... принципиально что ли! Надоело ему видите ли деньгами разбрасываться. Жмотяра! Крот помойный!» И так по кругу до следующего «замечательного». Мы по началу пытались вразумить Аришку, объяснить ей, что мужчины – создания трепетные, нельзя их так сильно сразу трясти, надо по-умному, по-немножку, по капельке... А если уж правда любовь-морковь, то, может, вообще не трясти? Тем более, что сама Арина девушка небедная. Но как это так «вообще не трясти» наша подруга не понимала. «Еще предложите мне его на Мальдивы свозить!» взирала она на нас как на двух умалишенных. Мне не удавалось с точки зрения примитивной психологии растолковать это горящее стремление во что бы то ни стало безлимитно «развести» объект симпатий. Казалось бы, Арину обошла участь девиц из небогатых семей, вынужденных «высидивать» в клубе или в баре какого-нибудь спонсора, потому как собственных средств на маломальски алкогольный напиток не хватало. Почему тогда? Может быть, подобное отношение впиталось с молоком матери, уроженки города Луганска, сменившей грошевую учительскую зарплату и мужа-вахлака на щедрого австрийского бизнесмена Клауса (которого две очаровательные пиявки за глаза величали Санта Клаусом) со всеми прилагающимися к нему радостями жизни. Так или иначе отступить от своих постулатов Арина не торопилась.

Что касается Жанны, тут ситуация была совершенно другая. Моя вторая подруга не обладала ни элегантностью, ни красотой, ни богатством Ариши. Однако общение с ней оказалось для меня не менее важным. В этой, с виду неприметной девушке были с детства заложены тонкий, неуловимый шарм и необъяснимая магнетическая притягательность. Мужчины, зацепившись взглядом за нашу пеструю тройцу, всегда первым делом выделяли Арину (в неотъемлемом Эрве Леже или в пайетках), затем меня, и лишь в последнюю очередь худенькую тростиночку Жанну. Но нас они так же быстро забывали (мало ли на Лазурном берегу хорошеньких блондинок), а вот наша тощая приятельница почему-то западала в душу. За все годы, что я ее знала, Жанна ни разу не побывала в роли «брошенки». Всегда инициатором расставаний

выступала она, а отвергнутые кавалеры еще долго поджидали ее у подъезда, забрасывали цветами и кольцами с брильянтами (это не гипербола, одних помолвочных колец она сдала обратно в бутик Картье штук пять точно). Конечно, нам было интересно разгадать секрет подобного успеха. «Я интересуюсь ими, но не увлекаюсь», спокойно пожимала плечами подруга, «Просто по-другому не получается». Однажды после ошутимой порции шампанского, Жанна призналась мне, что все еще вспоминает своего неудачника живописца. «Как будто перегорело что-то внутри. Пытаюсь по-настоящему увлечься кем-то, чтобы витать в облаках как Аринка, а не выходит. Понимаешь?» Я тогда кивнула головой, хотя понять, как можно так долго хранить теплые чувства к какому-то бессеребряннику я была не способна. Но от Жанны я со временем переняла эту отстраненную заинтересованность в мужчине, хотя в моем исполнении это все равно было игрой, и некоторые самые прозорливые экземпляры унюхивали подвох.

Вот такие у меня были подруги. Были. Два года назад от нашей троицы отпочковалась Арина. Все начиналось как обычно. Очередное, как мы называли подобные любовные ямы, «забужение». «Красавец, хирург, Астон Мартин, пентхаус в 1 округе Парижа... Самый лучший, самый любимый!» Мы с Жанной синхронно пожали плечами и проводили приятельницу в столицу. Будучи на сто процентов уверенными, что Аришка не продержится и месяца. Однако летели дни, осень сменилась зимой, а зима весной, а от нашей влюбленной не было ни слуху, ни духу. Смс-ки до нее не доходили, затерявшись где-то между Сант-Етьенном и Лионом, имейлы возвращались, не достигнув адресата, профиль на фейсбуке не обновлялся... Однажды, столкнувшись, на улице с племянником Санта Клауса, я не поверила своим ушам, узнав, что Арина вышла замуж в Париже и родила дочь. Почему такой немаловажной новостью она не удосужилась поделиться с ближайшими подругами, так и осталось для нас с Жанной загадкой. Последняя в свою очередь тоже отошла от общих тусовок. Хоть и совсем не сгинула, но появляться стала гораздо реже. А в один прекрасный апрельский день объявила мне, что выходит замуж за монегаска ливанского происхождения. «Удалось-таки увлечься?» с крошечной долей язвительности спросила я. Жанна в ответ спрятала глаза в цветочный горшок и затянулась сигаретой. С ее избранником я познакомилась только на свадьбе – пышном, торжественном, немислимо дорогом празднестве, кишашим местной элитой. Это был небольшого роста (на полголовы ниже невесты) лысеющий, не очень плотного телосложения, горбоносый брюнет по имени Омар. Мне запомнилось, как он сверкнул жадным взглядом по моему декольте и многозначительно погладил мою ладонь при рукопожатии. Одной этой детали мне хватило, чтобы навсегда протикнуться густой неприязнью к этому человеку и стараться избегать последующих встреч. Впрочем, Жанна и сама не стремилась выступать организатором общих мероприятий. Превратившись в замужнюю даму, она окончательно исчезла с моего горизонта. Чтобы вынырнуть год спустя вот этой крошечной смс-кой.

Ну, и что прикажете с вами делать, пропащие души? Гордо отклонить предложение? Вам все это время было наплевать, как я, что я, где я, жива ли, счастлива ли... Ответить заслуженным презрением? Мой первый порыв именно таков. Стереть сообщение и выбросить из головы образы некогда почти родных людей, так запросто предавших меня. Догоревшая сигарета жжет пальцы. Тьфу, совсем увязла в путанице мыслей и воспоминаний. Кофе давно допит, вкуса круассанов я даже не ощутила. Я прошу Жюльена плеснуть мне еще бодрящего напитка (и черт с ним со сном!) Вслед за обиженно надувшей губки блондинкой, выглядывает рассудительная брюнетка, нацепившая маску любопытства. «Неужели тебе не хочется узнать, что с ними случилось, и какими они стали?» «А разве так не понятно?» фыркает блондинка, «Две, погрязшие в быту и мужьях, замужние дамочки. А Аришка вообще (с выражением глубокого ужаса на кукольно личике) ма-маша!» Честно говоря, моего небедного воображения не хватает на то, чтобы представить мою боевую подругу в роли матери. Эту веселую девицу, извивающуюся на ВИП столике в клубе в бессовестном мини. Эту неизменную тусовщицу, принимавшую душ из шампанского на пляжах Памплон. Этого вечно молодого и вечно немного пьяного

яркого мотылька, бесшабашно кружащего по жизни... С орущим младенцем на руках? Нет уж, увольте. «Вот сходишь и посмотришь!» подзуживает брюнетка. Ну, ладно, увидеть Аришу действительно любопытно. Но Жанна... Кто мешал ей связаться со мной раньше? Может быть, гордыня? Чего там якшаться с какой-то неудачницей, когда в новом блистательном окружении одни миллиардеры? Разве сможет бывшая подруга поддержать разговор о преимуществе яхты Валли перед Бенето, и домработниц балийек перед малэзийками? А еще, чего доброго, ляпнет в достойной компании какое-нибудь неуместное «а ты помнишь...» В моей обиде на Жанну можно, если сильно приглядеться, разгадать крошечную частичку зависти. Чернявый ливанец Омар, конечно, далек от образа мужчины моей мечты, зато, приобретенный путем брака с ним материальный достаток мне бы точно не помешал. Там, в конце концов, и развестись можно, прихватив с собой десятку-другую миллиончиков на тепленькую старость. «Сходи на встречу и намекни, чтобы Нанка подогнала тебе какого-нибудь Краба или Лангуста» дает дельный совет брюнетка. А что это ведь и, правда, неплохая идея. Раньше мне подобное в голову не приходило. Наверно потому, что рядом маячил мой милый Мосье Сешо. Итак, решено. Я достаиваю Жаннин номер лаконичного «ОК».

Теперь домой, отсыпаться и приводиться себя в порядок. Думаю, не для кого не секрет, что готовиться к встрече с подругой всегда приходится гораздо тщательнее и вдумчивее, нежели к свиданию с женщиной. Последний вряд ли обратит внимание, что на вас (Боже, какой кошмар!) то же самое платье, что и две недели назад (если это, конечно, не красные пайетки). Он так же, будучи поглощенным разработкой стратегии вашего соблазнения, скорее всего не заметит какой-нибудь незначительный дефект вроде комочков на ресницах или сколупнувшегося лака на мизинце ноги. «Заядлая» подруга же никогда не упустит ни одной детали. Она мгновенно сосканирует ваш наряд, ваш макияж, ваше лицо, ваши ноги в поисках утешительного «брака», и, обнаружив, непременно сообщит вам о нем с горькой миной на физиономии. Конечно, Ариша и Жанна не относились к категории таких типичных доброжелательниц. Они всегда критиковали и советовали по делу, и между нами не висела в воздухе тяжелая туча зависти. Одако, как говорят персонажи задолбавшей всех рекламы очков «Крис», *sa c'était avant* – это было раньше.

В назначенный час (плюс пятнадцать минут) я сворачиваю на улицу Масэ. На мне черное шелковое платье-футляр со штампом Dsquared2, колье Шурук, бежевые босоножки Трибют ИСЛ и светлый питоновый клатч Прада. Скромненько, и, как мне кажется, вполне со вкусом. На террасе никого хоть отдаленно напоминающего моих беглых подруг не видать. Ну, вот я еще и первая приперлась! Хорошо начинается вечер. «А я говори-и-ла» гундосит блондинка. Я забираюсь на высокую табуретку. Может, сразу врубить ядерный Лонг Айленд? «Ага, пусть они, все успешные и шикарные, увидят, как ты, неудачница, топишь в алкоголе свою тоску» хмыкает брюнетка. Когда стрелка на моих Балон Блю перескакивает на отметку 25, из-за моего плеча неожиданно выныривает Жаннка. «Скузатти, никак не могла припарковаться» весело щебечет она, целую я меня в щеку. Это итальянское словечко, которое уже давно успешно вжилось в Нанкин лексикон, почему-то бьет меня током раздражения. А может дело не в нем, а во всем внешнем виде подруги. За год разлуки, тощая девочка-подросток волшебным образом преобразилась в породистую даму. Гладкое, чуть тронутое загаром личико без единой морщинки, аккуратный неброский макияж, стройное тело, завернутое в темно-синее кружевное платье Валентино из зимней коллекции, крупные бриллианты в ушах, ну и вишенка, нанесшая последний сотрясающий удар по пирогу моего самонадеяния – крокодиловая Биркин цвета электрик, небрежно брошенная хозяйкой на соседнюю табуретку. Мне требуется несколько минут, чтобы вытащить брюнетку и блондинку из глубочайшего обморока.

– Замечательно выглядишь, – скриплю я, насаживая на анфас не желающую держаться кривенькую улыбку.

– Ты тоже! Ничуть не изменилась! – искренне лыбится Жанна.

Конечно, еще бы ей не лыбиться. Считала уже мои новые морщины, разницу в цене наших сумочек и платьев, и теперь ликует в душе. «А я говори-и-ла!» тянет блондинка поганым голосом. Брюнетка заносит над ее пустой головой бейсбольную биту.

– Закажем шампанского? Или ты хочешь коктейль? – продолжает светиться позитивом подруженица.

Все-таки Лонг Айленд?

– Как хочешь, – растягиваю губы я, – А Ариша будет или как ?

– Обещала вроде, – бросив беглый взгляд на утыканые брильянтами и прочьей роскошью часики Шопар, отвечает бывший питерский фотораф, – Она приехала на пару дней всего. С ребенком.

– Она с собой ЕГО не потащит, я надеюсь, – испуганно хлопаю ресницами я.

Для полной потери равновесия мне не хватает только маленького кричащего и воняющего чудовища.

– Нет, сказала, няне оставит. О, а вот и она !

Перед нами как по взмаху волшебной палочки материализуется Арина. Арина ли ? Нет, не может быть ! Эта изможденная бледно-зеленая тетенька лет на 10 меня старше в платье Прада двухлетней давности никак не может быть моей модной молодой подругой !

– Как же я рада вас видеть, девочки ! – восклицает зеленая тетка и бросается мне на шею.

Мне приходится опять призвать на помощь весь свой хиленький актерский талант, чтобы подхватить готовящуюся в очередной раз дизертировать физионию.

– Вы обе очаровательны ! Мои уроки не прошли даром ! – она радуется вполне искреннее, и мне становится стыдно, за свою недавнюю вспышку зависти, – Лялька, зачет ! Нанка, ты что в лифчике ?

Вот у человека глаз-алмаз ! Первым делом узрела не брюлики и Эрмеса, а присутствие нижнего белья, к помощи которого наша Жанна никогда за свою историю нашего знакомства не прибегала. Летом она жаловалась, что всякие « труселя » и « лифаки » сковывают ее движения, и натягивала платья прямо на голое тело (возможно, в этом тоже крылся секрет ее успеха у сильного пола). Зимой свободолюбивая натура все-таки снисходила до стрингов, но вот бюстгалтеров в ее гардеробе не было отродясь.

В ответ на Аришино замечание Жанна вместо того, чтобы рассмеяться и выдать нам какое-нибудь шутовское объяснение этой перемене, почему-то тушуетесь и отводит взгляд.

– А ты чего в позорешлогодней Праде с желтым пятном на плече, Ариш ? – наконец выдает она ответную пику.

– Где пятно ? О, точно ! Блин, это Катюха срыгнула, вот ведь зараза ! Платье схватила первое попавшееся. Я по-другому оделась, но Катюню вырвало и . . .

– Катюха – это твоя дочь ? – затыкаю пробкой этот неприятный фонтан отравений я.

– Да. Я ее назвала Катрин. Катюша по-нашему. Ой, девочки, мне столько всего надо вам рассказать! Только сначала непременно выпьем ! Эй, мосье, бутылку Лоран Перрье розэ, s'il vous plait !

Заказ не заставляет себя ждать. Фигуристая бутылка с розовой этикеткой прибывает к нам в компании с ассортиметом легких закусок. Официант, слишком ухоженный и манерный, чтобы быть гетеросексуалом, разливает пенящуюся жидкость по узким бокалам. Мы чокаемся молча без привычных воодушевленных тостов « за нас красивых », « за вечную дружбу ». Как будто пьем за упокой этой самой дружбы.

– Ну, рассказывай, пропащая душа, – киваю я Арине, чтобы разбить тяготящее молчание.

В ее уставших, небрежно покрашенных глазах с тонкой сеткой морщинок в уголках после нескольких глотков шампанского вспыхивает знакомая мне искорка.

– Ой, девочки, – вздыхает наша прежняя Ариша, – С чего и начать не знаю. В общем, начало вы помните.

– Хирург из Парижа на Ламборгини ? – вспоминает Жанна.

– Астон Мартин, – автоматически поправляет Риша, – One-77, ограниченного тиража. А хирург это верно. Всю душу из меня вынул этот врачила. Все внутренности. Ни одного целого органа не осталось.

– Это, я надеюсь, метафора ? – поднимаю бровь я.

Ариша печально мотает головой.

– Я же любила этого козла. По-настоящему. Потащила за ним в этот дурацкий Париж, где вечно холодно и идет дождь. А он...

– Оказался жлобом ? – гадают Жанна.

– Да нет, с деньгами проблем не было. Покупал все, что я просила. Точнее бросал мне деньги. Доставал из сейфа пачку и рассыпал по полу. А я ползала на коленях и собирала.

– Кошмар какой ! Ариша, зачем ты это терпела ? – ужасаюсь я.

– Это только начало, – она затягивается сигаретой с горькой усмешкой на неухоженных обветрившихся губах, – Я думала, ерудна, пройдет. Он выпить был не дурак. Ну и кокаину немножко по пятницам, чтобы снять напряжение. И когда не в себе, то мог ерунду всякую нести. Это ведь как болезнь. Не будешь ведь ругать человека, за то, что он болен.

– Да ладно ! – вспыхивает негодованием Жанна, – Алкоголизм это и наркомания. Нашла больного !

Арина морщится как от вида бокала виски на утро после мощной тусовки.

– Короче я терпела все. Он ведь потом каялся и в любви клялся. Мы поженились. Он так хотел. Мне все равно было. Вы сами знаете, я замуж никогда не стремилась, и всякие эти пышные торжества мне ни к чему были. Отметили вдвоем. Он выпил много, начал нести какую-то чушь, что все русские проститутки, ударил меня пол лицу. Эй, мосье, обновите, пожалуйста, бутылочку ! Я хотела уйти, но он закрывал квартиру на ключ. Говорил, что если сбегу, он меня найдет и « порежет на мелкие кусочки ». С родителями общаться не давал. Потом я узнала, что беременна. Он потребовал аборт. А меня тогда как током ударило. Мне ведь 38 лет. Последний шанс. Сделаю аборт, больше никогда не рожу. В общем уперлась рогами, лучше умру, чем ребенка потеряю. Он и бил меня и угрожал, что ни один врач столицы у меня роды не примет. Я сбежала к родителям. Он нашел адрес, приперся к маме и Клаусу, начал орать у дверей. Они пустили его с дуру. Он ворвался, стал скандалить, ударил меня. Я тогда на 7-ом месяце была... Короче Клаус как это все увидел, вызвал полицию. Я написала заявление. С тех пор он почти оставил меня в покое. Звонит периодически с разных номеров и кричит в трубку, что никогда мне ни копейки на ребенка не даст, что это не его « детеныш », что я дура, проститутка и т.д.

Арина замолкает, прикуривая новую сигарету. Ее тонкие пальцы с неровным маникюром (мы величали такой « выходным » – на выходе из дома замечаешь, что ногти не в порядке и бисто малюешь что попало) заметно дрожат. Мы с Жанной молчим, лишённые речи этой невозможной, недопустимой историей. Мне не кстати вспоминается, как мы попрекали Аришу – пропала, видите ли, живет там себе счастливо и в ус не дует... а наша подруга в это время медленно и мучительно проходила один за другим все круги ада. Меня до краев переполняют стыд, рассказание и сочувствие.

– Ладно, девчонки, стряхните эти кислые морды, – усмехается героиня трагической пьесы, – Что было, то было. Зато у меня есть Катька ! Она красавица вышла. Сейчас покажу.

На экране айфона вспыхивает круглая красная узкоглазая физиономия без малейших половых признаков.

– Да-а, красавица, – без особой уверенности в голосе в унисон тянем мы.

– Правда, родилась она раньше времени со всеми этими передрыгами... И у нее был РДС, – прочитав на наших лицах непонимание, Арина поясняет, – респираторный дистресс-синдром. Она не могла дышать. На второй день после родов мне сказали, что скорее

всего она умрет. Но мы с Катькой так просто не сдались. Мы же сильные, мы же вместе, – в глазах подруги мелькает крошечная слеза.

Я сама готова расплакаться. Еще и шампанское, будь оно неладно, мутит голову.

– Господи, Аришка, – хлюпаю носом я, – Мы же ничего не знали.

– Да, все в порядке, Ляль, все плохое уже позади. Только устала я очень. Катьке пять месяцев сейчас. За это время я ни одной ночи нормально не спала.

– А мама ? Няни ? Врачи ? – вступает Жанна

– Все есть, все рядом. Но неужели ты заснешь, когда твой ребенок в соседней комнате задыхается, и ты не знаешь, доживет ли он до утра ?

Мы молчим, не зная, где найти достойные слова, как утешить это непонятное нам, но от этого только более страшное горе.

– Ладно, – смеется захмелевшая Арина, – Вы совсем, смотрю, скапустились. Давайте зовите официанта, пусть принесет чего покрепче. Меня тошнит уже от этой кислой шипучки.

Официант, боязливо поглядывая на нашу странную компанию, водружает на столик бутылку виски и какую-то дополнительную закуску. Широта Аришиной души и ее кошелек не позволяют обладательнице заказывать алкоголь мелкими дозами. Сколько я ее помню, она непременно берет бутылку, даже если намеревается ограничиться бокалом. Я чувствую, что еще немного, еще пару-тройку горячительных глотков, и я брошусь обнимать вновь обретенных подруг и орошать их слезявыми признаниями в любви.

– Короче, все у меня хорошо, – подводит неожиданный итог своего трагичного повествования Арина, – Давайте рассказывайте, как вы тут без меня. Мне доложили, что Нанулька замуж вышла.

– Я послала тебе приглашение, – Жанна, не смотря на выпитое, все еще не убрала до конца свои защитные иголки.

– Ага, я получила. Только не до этого было. Извини. Ты мне одно скажи, ты счастлива ? – как всегда зрит в корень старшая подруга.

Я жду, что Жаннин рассказ своим ярким контрастом только усугубит мрачную Аришину картину, и мысленно прошу ее быть посдержанней.

– Знаете, девчонки, – Нана затягивается сигаретой, – честно вам признаюсь, я шла на эту встречу, намереваясь пустить вам пыль в глаза, расписать свою распрекрасную жизнь со всеми ее расчудесными возможностями. Но послушала Аришу и поняла, что не к чему это. Хреново все у меня, девочки ! Хуже не придумаешь !

– Да, ладно ! – недоверчиво хмыкаю я, – По тебе не скажешь !

Сейчас она будет плакаться и рассказывать, как тяжело живет миллиардерам. Чего-чего, а лицемерия, я не терплю.

– Не скажешь... Конечно, со стороны все выглядит замечательно. В пору позавидовать. Я ни в чем не нуждаюсь. У меня безлимитная кредитка. Вся одежду и аксессуары я покупаю в трех экземплярах, потому что живем мы между Монако, Бейрутом и Абиджаном. В каждой квартире у меня своя гардеробная, и чтобы не возить чемоданы туда-сюда, я закупаю одинаковые вещи. Вот таких сумок у меня три штуки...

– Тяжела жизнь, ничего не скажешь ! – не удерживаюсь от подколки я.

Желание признаваться в любви Жанне скрывается за поворотом.

– Да, это я все не о том... Читаю вам заготовленные строки. В общем, шмоток навалом, а ходить в них некуда. Омар меня никуда не выпускает. Вообще никуда. Первые месяцы мы жили в Абиджане, у него там фирма транспортная. Там вообще меня держали под замком, потому что, якобы, город опасный, меня могут украсть, потребовать выкуп... Потом Бейрут. Опять та же история. «Куда ты пойдешь, ты никого тут не знаешь. Женщине одной гулять опасно. Сиди дома с тетушками, учись готовить хумус». Думаю, ладно, переживу, додержусь до цивилизованного Монако с нулевой преступностью и разгуляюсь наконец. Хрен с маслом!

«Куда тебе идти? Продукты купит домработница. Салон через улицу, тебя проводит охранник. Магазины? Пойдем вместе, я лучше знаю, что тебе надо». Ты, Ариш, правильно заметила лифчик. После свадьбы мне кажется, что я превратилась в мусульманскую женщину (хотя Омар христианин). Перед всеми теми немногими выходами в люди, которых я удостоилась за этот год, он непременно должен был одобрить мой наряд. Никаких декольте, голых рук и ног, не говоря уже о спине. Аргумент один «ты же не гулящая женщина!» И тот же, что и у твоего, Ариша, садиста, хоть и более завуалированный намек на то, что «все вы русские сами знаете кто». И еще я всегда должна выглядеть безупречно. Все-гда! 24 часа в сутки! Даже вообразить невозможно растянуться дома на диване в выцветшей широкой майке с облупившимся рисунком и любимых растянутых джинсах. С раннего утра я должна быть накрашена, причесана и одета вот так, как сейчас. Ни дай Бог забыть пшикнуться духами или освежить маникюр, испорченное настроение на весь день гарантировано. А он... он пропадает где-то днями и ночами. У него работа. Работа, на которую он уходит в полночь, и с которой он возвращается со шлейфом чужих духов. «Это деловые встречи, ты ничего не понимаешь» говорит он, а я вижу, как у него бегают глаза.

Помню, я эти бегающие глазенки, которые за пару секунд истоптали все мое декольте.

– В общем, я целыми днями сижу одна дома и медленно схожу с ума. А недавно у него появилась идея-фикс – хочет наследника. Просто вынь, да положи ему сына. Присралось человеку. Мои «не готова» слушать не пожелал. За руку потащил по врачам. Все вроде у меня нормально (все эти анализы отвратительные вспоминать не хочется), а ребенок не получается. Чувствует наверно, что не хочу я его.

– Получится, – уверенно утверждает Ариша, опрокидывая в рот очередную порцию «лекарства от душевных ран».

Жанна поднимает на нее усталый взгляд больной коровы.

– Я не хочу, чтобы получилось. Вообще ничего не хочу.

– Да, ладно, Нан, перестань! – пытаюсь внести нотку оптимизма в эту беспросветную элегию я, – Развод в конце концов никто не отменял! Пинком поз зад этого твоего Лангуста, раз он такой гад оказался!

– Лангуста!! – Ариша и Нана раздражаются неприлично громким пьяным хохотом, от которого их водостойкая косметика, не выдержав напора, растекается темными струйками по щекам. Спрятавшийся под слоями умело наложенного грима Жанин возраст предательства вылезает наружу сеткой морщинок. Теперь явно заметно, что они с Аришей почти ровестницы.

– Да, никуда меня это ракообразное не отпустит, – хлюпя покрасневшим носом, выдает, наконец, Жанна, – Как вцепилось клешнями...

Эта фраза вызывает очередной взрыв бесконтрольного смеха.

– Если хочешь, я дам тебе отличный бабушкин рецепт – Омар в чесночном соусе, можно варить прямо живьем, – подливает масла в огонь Арина.

– М-м, в чесночном соусе, – гогочет Нана, – я его и так не перевариваю, а с чесноком вообще...

Я ощущаю разливающееся внутри тепло. Как же мне не хватало вот таких милых душевных посиделок, щедро одобренных таким дружным безудержным хохотом.

– Ну, Ляль, теперь твоя очередь, – слегка прийдя в себя и аккуратно подтерев размазавшуюся тушь, обращается ко мне Арина, – Какие гады ползучие встретились на твоём пути за это время?

– Да, давай, Лялюш, скажи нам, что хоть у тебя все в шоколаде, а то, правда, повеситься в пору!

После мощных ушевных излияний моих подруг, мне как-то вроде и сказать нечего. Незамужняя и бездетная, я неожиданно оказалась на этом празднике жизни самой удачливой.

– Ну, у меня все по-старому... – неуверенно тяну я.

– Это ты о мосье Тьерри ? – хихикает Ариша, – По-старому... Сколько ему ? 65, дедка – ягодка опять ?

– Ха-ха, скоро можно будет от него рожать сразу внуков, – поддерживает сильно нетрезвая Жанка.

– Нет уж, рожать это по вашей части, – не остаюсь в долгу я, – Я еще пока размножаться не надумала.

– Надумаешь, поздно будет. В 65 и так шансы во..., – Арина демонстрирует большим и указательным пальцем расстояние в сантиметр, – А потом только почкованием !

– О, почкованием и я не против ! – покатывается супруга ракообразного.

– Вы обе пьяные дурочки, – констатирую я, – Накачались до ушей, и не в состоянии теперь слушать мою печальную историю. Вечно так !

– Это кто это не в состоянии ! Давай, давай, вещай ! Мы все внимание, – бормочет Жанка, умудрившись с пятой попытки наконец прикурить сигарету.

Ариша пытается состряпать на парафиновой физиономии выражение глубочайшей заинтересованности. Не смотря на их откровенность, мне почему-то совсем не хочется распахивать сейчас перед подругами свою душу. Мне кажется, что единственным подходящим в данной ситуации рассказом будет какой-нибудь черный ужасник в стиле Эдгара По, выслушав который мои побитые судьбой птички вострепнуться и мысленно порадуются « бывает же хуже ! » Но такого у меня за пазухой не припасено, а выдумывать на ходу не хватит воображения. Так ничего и не решив, я молчу в ожидании, что мои слушательницы немного протрезвеют. Однако, как выясняется, мои терзания напрасны. Выждав короткую паузу, Ариша и Жанна возвращаются к оплакиванию своей досрочно загубленной молодости и воспоминаниям тех беззаботных доблестных времен. Я поддерживаю эти приукрашенные временем и фантазией рассказы былин, пытаюсь изобразить энтузиазм. Однако после третьей порции виски внутри у меня образовывается огромный вакуумный пузырь, ловко умудрившийся вытеснить бурлящую черно-белую ораву чувств. Айфоны подруг, как будто сговорившись, одновременно заливаются каждый своей настойчивой мелодией.

– Это Омар, мне пора, – подвижное лицо Жанны накрывает белая трагичная маска.

– Мама. Катюшке, кажется, плохо, – голос Арины холодный и резкий, без единой смешинки, без нетрезво растянутой нотки, заставляет меня вздрогнуть.

Как ни странно, я ощущаю почти облегчение. Девчонки торопят официанта, размахивая кошельками.

– Я заплачу ! – вызывается Ариша.

– Даже не думай ! Я вас приглашаю ! – противится Жанна.

Я не вступаю в спор. У меня нет ни отчима-толстосума, ни мужа-миллиардера, и моя гордость как-нибудь переживет такое маленькое фиаско.

В результате увесистый счет оплачивает все-таки Жанна. Мы обнимаемся на прощание. На губах у каждой из нас кроме терпкого привкуса алкоголя такая же горькая фраза « давайте встречаться почаще ». Они липнет к помаде, скользит, готовая сорваться, но какая-то мощная невидимая сила удерживает ее.

Я возвращаюсь в свое холостяцкое логово. С самого доньшка соскребаю последние остатки сил и, вооружившись ими, стаскиваю с себя одежду и оттираю косметику. Мягкая кровать принимает мое инертное тело в свои теплые объятия. Вместо того, чтобы провалиться в глубокий лечебный сон, я разливаюсь по подушке горячими солеными слезами. Я рыдаю долго и отчаяно, оплакивая свою бестолковую жизнь, Аришкину горькую долю, Жаннин беспроблемный брак и вообще все грустное и трагичное, что есть на земле. Вялый аргумент брюнетки «завтра будет опухшая физиономия и мешки под глазами» в расчет не принимается. Заснуть мне удастся только после трех часов, когда организм окончательно исчерпывает свои слезные запасы.

Глава 2.

Я.

Моя новая морщина.

И камчатские бобры.

Утро приходит гораздо раньше, чем мне хотелось бы, теребя меня за плечо лучиком солнца, забираясь под тонкую простыню жарким летним дыханием, хлопая дверьми соседских квартир. Еще не успев разлепить спаянных вчерашними слезаизлияниями век, я уже понимаю, что ничего хорошего этот наступивший раньше времени день мне не сулит. При попытке сползти с кровати голова сжимается, как скорлупка ореха в зубах щелкунчика, грозясь разлететься по комнате маленькими кусочками. Ротовая полость слиплась отвратительной склизкой несвежестью. И плюс к этим привычным радостям афтер-парти отдельный бонус – перекатывающаяся болевыми волнами спина. «А я говорила» ехидно ухмыляется брюнетка, рассматривая с презрением скрюченную каракатицу, которая еще накануне была молодой женщиной. «Ты ей говорила – иди на встречу с подругами. И вот что из этого вышло!» резонно замечает блондинка и, заговорчески подмигивает мне «Лучше в зеркало не смотри!» Я и без нее знаю, что от встречи с собственным отражением лучше было бы сейчас воздержаться. Однако врожденный мазохизм заставляет все таки поднять взгляд на беспристрастную зеркальную поверхность. О, mon Dieu! Bordel de merde![4] К подобному удару я оказываюсь не готова. В мешках, подобных тем, которыми может похвастаться мое подглазье, небогатая семья из российской глубинки могла бы запасти не один килограмм картошки на зиму. А эта нежно зеленоватая кожа с розовыми вкраплениями сосудов и расширившимися от ужаса перед такой халатностью порами – чем не прекрасный образчик в рекламе – ДО применения чудодейственного крема. Ну-ка а что это у нас здесь? Нет, не может быть! На левом веке обнаруживает неизвестная мне доселе длинная кривая морщина. Хилый черешок настроения при виде подобного ужаса с головой зарывается в землю. Я принимаюсь тщательно замазывать непрощенную гостью кремом Ла Прери с черной икрой. Она мигом сжирает икру, но уходить, похоже, не намеревается. «Надо завязывать с такими беспонтовыми пьянками. Я уже не говорю о бессонных ночах!» наблюдает за моими маяниями брюнетка. «Вообще давно пора найти нормального платежеспособного мужика и остепениться наконец. Ездить два раза в год на острова, раз в месяц по европейским столицам, заказывать одежду прямо с дефиле и открыть какой-нибудь благотворительный фонд по спасению галапагосских пингвинов». «Лучше бездомных собачек» возражает блондинка. «Собачки не круто. Они блохастые и воняют. Нужна какая-нибудь приятная экзотика. Вроде коал или морских котиков. Спросят на какой-нибудь презентации «а чем занимается ваша очаровательная супруга?» А она так скромно склонив голову «Я спасаю камчатских бобров». Ледяной душ немного встряхивает оставшийся от меня пожилой каркас, сделав дальнейшее существование хоть и не приятным, но хотя бы возможным. «Камчатские бобры» бубню я себе под нос, вылезая из ванны, «Почему бы и нет». Холодильник нахально выпячивается навстречу мне и моему сморщенному желудку белой больничной пустотой. Из коробки Нескафе стыдливо выглядывает последняя красная лишённая спасительного кофеина капсула. Все ясно, придется прихватить свой непрезентабельный анфас и тащиться в ближайшую булочную. Когда мой организм немного взбадривается свежеиспеченным ушком (которое французы по непонятным мне причинам величают «пальмой») и шоколадным маффином, телефон заводится в сумке знакомой трелью. «Извините за беспокойство, мадам, но вы в прошлом месяце не перевели нам квартплату» сухо вато информирует меня реэлтор. «Это конец!» вспыхивает алая лампочка в моей голове. Волшебный источник под названием мосье Сешо окончательно и бесповоротно пересох. Мне казалось, я была морально готова вычеркнуть из своей жизни милого женевского пенсионера. Я ведь такая вся из себя непробиваемая желез-

ная леди с золотистыми значками евро в пустых глазницах и россыпью брильянтов вместо мозга. Сентименты это не для меня. Пусть ими тешатся глупые курицы, обросшие детьми, стиркой-глажкой и мужьями-лузерами. А я плюну, сотру номер из записной книжки телефона, переступлю через тело предателя на 15-сантиметровых Лубутанах и поспешу вперед к новым более перспективным горизонтам. Плюну, обязательно плюну. Только вытру слезящиеся на ярком солнце глаза. «Хотя бы позвонил объяснил» всхлипывает блондинка. «Да, что тут объяснять, и так все ясно. Она ж знала, что рано или поздно все произойдет именно так. Произошло рано» печально тянет брюнетка. «И не в кассу так!» продолжает причитать светленькая, «У нас сегодня и так трагедия – новая морщина!» «А ты молодец, что напомнила» язвит темненькая. «А я не плачу, я никогда не плачу. Есть у меня другие интересы», выкатывается откуда-то из далекого прошлого песенная строчка «Камчатские бобры, например». Я выхожу из булочной в августовское пекло. Мне хочется расплавиться, размазаться по асфальту жидкой бесполезной лужицей, и пусть по мне топчутся прохожие. В глаза бросается пара типичных до тошноты туристов в аляповатых майках, бермудах, кроксах, с рюкзаками Найк через плечо. Нет, уже, чему-чему я кроксам я по себе шляться не позволю. «Собиришь, Елизавета, мы еще не такое переживали. А ты и подавно. В той, другой, Нормальной жизни, где не было нас» шепчут мне в унисон блондинка и брюнетка. На меня против желания накатывает огромная пузыристая волна воспоминаний.

Я родилась в городе с гордым названием Великий Новгород, в обычной среднестатистической семье, не лучше, и не хуже других. Мои родители могли заслуженно занять место на страничке с заголовком «советский середнячок». Папа, механик на заводе, мама воспитатель в детском садике. Ответственные, порядочные трудяги, строители светлого будущего. Главным словом в нашем доме было прилагательное «нормально». Как дела? Нормально. Как зарплата? Нормально. Как дочка? Нормально. Мы застряли в этой клетке «нормальности», боясь высунуться, чтобы вдруг не оказаться выше, краше, лучше кого-то. Стремление выделиться, выпрыгнуть из общей толпы всячески клеймилось моими родителями и относилось к разряду позорного и (кто бы сомневался) ненормального. Даже эмоции в нашей семье раздавались ограниченными порциями как мясо по талонам. Я ни разу не слышала от мамы и папы пылких признаний в любви ни в свой адрес, ни по отношению друг к другу. Всякие милые прозвища так же не приветствовались, их заменяли строгие «Сергей», «Людмила» и обращенное ко мне сухое «Лиза». Когда мне доводилось увидеть в гостях у подружки ее обнимающихся и нежно целующих друг друга в цеку родителей, я невольно краснела от такого «неприличного» зрелища. Потом страну сотряс вихрь перестройки, и принужденную одинаковость наравне с порядочностью официально отменили. Отовсюду как черномыльские грибы нагло поперли бессовестные бритоголовые нувориши. Мама с папой впились зубами в корму утопающего Союза и им удалось таки, помотавшись вверх и вниз по волнам, остаться на плаву. Правда уютную двушку в центре Новгорода пришлось сменить на схожую по площади, но сильно проигрывающую по месторасположению квартиру в поселке Чечулино. Мне сразу не пришлось по душе потрепанная пятиэтажка с выцветшей надписью «Слава Трудом» на сером боку, неказистый двор со змеящимися по траве канализационными трубами (а зачем закапывать, если так гораздо проще) и старенький дребезжащий автобус, который отныне должен был отвозить меня каждое утро в школу. А что было делать. «Зато какая тут природа» говорила мама, «И сметана свежая, настоящая, такая густая, что ложка стоит». А я ненавидела эту жирную сметану и тихонько счищала отвратительную бело-желтую массу в мусорник. Когда ситуация в стране немного устаканилась, родители «разорились» на участок земли в полчасе ходьбы от нашей пятиэтажки. Этим десяти соткам досталась вся полагавшаяся мне любовь. Каждый выходные, не взирая на метеорологические условия, мама с папой отправлялись на «дачу». Они сколотили там из старых серых досок кургузую хибарку, обклеили это архитектурное чудо изнутри старыми газетами, и были искренне рады,

что теперь на любимом огороде можно было и заночевать. На фоне мощных деревянных изб новых русских, это хиленькое чучело выглядела смешно. Но хозяев не смущал контраст. Быть хуже кого-то им не казалось позорным, страшно было выглядеть лучше и, не дай Бог, спровоцировать зависть. Надо признаться, что определенная толика здравого смысла в их суждениях все-таки была, потому как близлежащие дубовые хоромы периодически грыз подпущенный доброжелательными соседями красный петух. Первое время я исправно ходила на «фазенду» и прилежно кормила комаров (а этих прожорливых насекомых там было видимо ни видимо) в позе испуганного страуса. Потом меня зацепил вирус переходного возраста, и я вежливо но твердо заявила, что отныне свой досуг буду планировать иначе. Родители сдержанно повозмущались для виду, но мне показалось, что сильно мое заявление их не расстроило. По окончанию школы меня общим потоком занесло на модный в то время экономический факультет. Я училась без энтузиазма, вкладывая в занятия 40% своей энергии. Оценки получались средненькие, что вполне устраивало и маму с папой и меня саму. На последнем курсе в моей размеренной «нормальной» жизни случилось ЧП. Я влюбилась. Будучи воспитанной в традициях социалистического равенства, я всего навсего последовала примеру подруги Светы, которая потеряла свою кудрявую голову при виде новичка из параллельного потока Дениса Забельского. Держать свои чувства при себе Светлана не умела (сразу видно, не наше воспитание) и потому без устали выплескивала их на меня. Наслушавшись цветастых дифферамб в адрес замечательного Забельского, я как-то невольно сама увлеклась этим безупречным персонажем. Денис и правда был красив: темные густые волосы, пронзительные (такими они виделись Светлане) изумрудные глаза, прямой нос, чувственные (опять же ее прилагательное) губы, волевой (!) подбородок – и в дополнение ко всему этому богатству еще и спортивное тело на длинных ногах. В общем, много ли надо 18-летней барышне, не нагруженной тяжелым корбом опыта, чтобы придумать себе любовь. Самым странным в этой истории было, пожалуй, то, что мои чувства не остались безответными. Великолепный Забельский по лично мне непонятным причинам проявил внимание к моим скромным прелестям. Ясное дело, первое же приглашение в кино пробило неисправимую трещину в нашей со Светой дружбе. Меня пару ночей погрызла совесть. Выходило вроде как, что я увела у подруги парня, хотя кроме как в фантазиях последней отношений у них никогда не было. «Нехорошо получается» шептал мне на ухо мамин голос «Чем ты лучше Светки?» Мне не хотелось быть лучше, но отказаться от встречи с прекрасным Денисом я в себе сил тоже не наскребла. Мы начали встречаться. Все как полагается – прогулки у реки, поцелуи на скамейке, мороженное, проводы до дома и редкий секс в отсутствие родителей. До Забельского у меня была парочка первооткрывателей, своей неуклюжестью и отсутствием элементарных постельных навыков, едва не пробудивших во мне стойкое отвращение к противоположному полу. И я ждала, что теперь все будет по-другому, что в объятиях любимого мужчины передо мной рассыпется наконец всеми цветами волшебный колейдоскоп удовольствия. Подготовительные ласки действительно оказались хороши. От них по всему моему телу разбежалась стая больших пушистых мурашек. И то самое заветное чудо промелькнуло где-то совсем рядом. Мне казалось, что в следующий раз я непременно смогу ухватить его за хвост, и тогда я пойму, что значит на самом деле быть женщиной. Но время наших сексуальных экзерсисов было всегда ограничено (вот-вот мама с папой пожалуют с огорода), а родительский диван пронзительно скрипел, мешая сконцентрироваться. Чтобы не расстроить усердного партнера, я всегда выражала бурный восторг по поводу его перформанса. Денис расплывался в самодовольной ухмылке. А я все надеялась, что в следующий раз чудо непременно произойдет и твердила себе, что люблю этого мужчину. Потом наступила зима, и дачный сезон закончился, лишив нас нашего любовного уголка. Я ждала, что Забельский найдет новое убежище для сексуальных забав, но он вместо этого взял и заявился к моим родителям с букетом подвявших роз и предложением руки и сердца. Другая девица (Светка

например) на моем месте взвилась бы в потолок от радости. Я старательно растягивая губы в улыбке, подкладывая жениху салата Оливье, и одновременно пыталась отыскать внутри себя теплый комочек под названием «счастье». Но последний почему-то не обнаруживался. Эмоции после долгих лет гонений, похоже, окончательно покинули наш дом. Папа с мамой деревянно улыбались, задавали Забельскому стандартные, не слишком личные вопросы. После ужина, когда мы уединились в моей комнате Денис сказал мне «Странные у тебя какие-то родители. Я не понял, рады они или нет». «Нормальные» пожала плечами я. Мать Забельского (отец присутствовал только на черно-белых семейных фото и, как мне объяснили, героически пал за Родину еще до рождения сына) приняла будущую невестку в штыки. Я слышала, как она громким шопотом комментирует на кухне мою внешность. Эту пожилую рыхлую женщину можно было понять. Единственный, самый важный, самый замечательный мужчина ее жизни уплывал в руки какой-то среднестатистической самозванки. Не смотря на недовольное кряхтение старшей Забельской свадьбу все-таки сыграли. Традиционную малобюджетную, не лучше и не хуже, чем у других. С красно-бело-синими гроздьями шаров, брызгами теплого Советского шампанского, фотососисей на берегу Волхова, подковой столов в съемном зале общества глухих, одинаковыми тостами, приготовленными подругами плакатами на стенах с поговорками вроде «муж и жена – одна сатана», пьяненьким тамадой и его нехитрым поношенным реквизитом, незамысловатыми конкурсами типа «найди свою жену, ощупав попки всех собравшихся гостей», хитами Верки Сердючки и вереницей нетрезвых приглашенных, без устали орущих «горько». Мои родители досидели до конкурса по задоошупыванию, а потом, поочередно клюнув меня в щеку и пожелав счастья, степенно удалились. Я почему-то ощутила себя преданной. А когда в первую брачную ночь уплясавшийся и упившийся водка-шампанским муж захрапел лицом к стенке, не удосужившись даже стащить ботинок, это ощущение усилилось. Аргумент «у всех так» не произвел обычного утешающего действия. До свадьбы мне казалось, что, сменив простенькую Кравченко на элегантную Забельскую, я как по взмаху волшебной палочки превращусь из замарашки в королеву, и моя сероватая жизнь заиграет всеми цветами радуги. Однако, на следующее утро после сомнительного праздника, я проснулась точно такой же. Разве что немного более помятой чем обычно. Мои родители подарили нам денежный залог на съемку квартиры, а мамаша Забельского расщедрилась на горящий тур в Анталию (самое дешевое и потому самое популярное в те времена направление). Я упорно ждала чуда. Ладно, свадьба разочаровала, но уж медовый месяц должен был непременно выдаться настоящим, сочным, сладким, переполненным охами-вздохами и любовными признаниями при луне. Но судьба-подлюка, сговорившись с новоявленным муженьком, и тут решили подложить мечтательнице жирную добротную свинью. Уже в самолете выяснилось, что разговаривать нам с любимым вообще-то и не о чем. Его, впрочем, подобная мелочь не волновала. Он спокойно вооружился наушниками от плеера и погрузился с головой в пестрый журнал о мотоциклах (на которых периодически мелькали раздетые фигуристые блондинки). В отеле олинклюсив Забельского больше всего привлекли обильная и разнообразная еда и разноцветные коктейли в огромных бокалах с бумажными зонтиками. После мощного завтрака, он, с трудом выкатившись из-за стола, спешил занять наиболее выйграшно расположенный лежак у бассейна, и коматозил до обеда. За следующим приемом пищи следовал аналогичный сценарий. Предложенные мной экскурсия в Каппандокию, рафтинг, джип-сафари и даже тур по местным фабрикам с реальной возможностью отхватить себе майку с логотипом Шанель или недорогую дубленку не вызвали у моего мужа энтузиазма. «Мы приехали отдохнуть» аргументировал он свое однообразное пролеживание боков. Ладно, черт с ней, с турецкой Шанелью, но мне отчаянно хотелось испытать наконец этот необыкновенный феерверк эмоций, которому ранее препятствовали неудобные жилищные условия и подлый диван. Разве не за этим мы вообще приперлись в это чудное райское местечко? У Дениса на сей счет было

явно иное мнение. Днем занятиям физическими упражнениями не способствовало набитое доверху пузо, по вечерам же в баре у бассейна выдавали бесплатное алкогольное пойло в неограниченном количестве. Ясный перец, что редкий турист способен был отказаться от подобной манны небесной. Во всяком случае мой Забельский к этим редким трезвенникам не относился. Пару-тройку раз супружеский секс все-таки заглянул в наш номер. Но, будучи сильно навеселе, этот редкий гость оказался торопливым, грубоватым и напрочь лишенным воображения. «Я все равно люблю его» думала я, разглядывая своего похрапывающего на лежаке мужа, «Когда мы вернемся домой, все будет замечательно». Возвращение домой, однако, вместо морального и физического единения принесло нам хлопоты переезда, серые рабочие будни и холодный осенний дождь. Мамаша Забельская устроила свою кровиночку аж замдиректором в солидную контору. Денис ходил на службу, гордо вскинув красивую голову, в единственном, но приличном на наш взгляд костюме, рубашке, галстук и начищенных мной ботинках. Мне удалось устроиться клерком в ближайший банк. Работа не хухры-мухры, конечно, по сравнению с мужниной должностью. Забельский презрительно называл мою трудовую деятельность «работкой». Объединив его жирную зарплату и мои крохи, мы неплохо обставили съемную двушку. До модного в те времена евроремонта не дотянули, но обои поклеили новые (в мелкий желтый лютик), установили мебель польского производства и сменили заскорузлый розовый кафель в ванной на крупную лиловую плитку. Я возвращалась вечером в свое с любовью обустроенное гнездо, но удовлетворения почему-то не чувствовала, не говоря уже о пресловутом счастье. Тремя месяцами позже директор Забельского скрылся в неизвестном направлении, предусмотрительно опустошив кассу компании. Дениса затаскали по судам, хорошо хоть благодаря связям мамыши не посадили. Источник легких денег иссяк, и работника с такой заляпанной репутацией на престижные должности брать не спешили. Забельский от такой несправедливости впал в глубокую депрессию. Он целыми днями лежал на диване, уставившись в телевизор, и отплеплялся исключительно для похода в туалет. Со мной разговаривать стал сквозь зубы. Очевидно, я была признана в сложившейся ситуации виновной. «Мальчика надо понять и поддержать» заявила мне свекровь, притащившись к нам как-то вечером, «Такой тяжелый удар для его нежной психики! Ты же знаешь, депрессия это серьезная болезнь! Ты просто обязана ему помочь». Я все понимала. После работы бежала в магазин за продуктами, готовила дома вкусный ужин, подавала еду прямо в гостиную, собирала с пола пустые пакеты от чипсов и банки от пива... и все это с милой улыбкой вроде как так и должно быть. Пару раз я пыталась растормозить депрессивного эротическим шоу, но болезный только мощил свою симпатичную физиономию в плаксивую гримасу «уйди, и без тебя тошно». Я поплохела и осунулась. Мужчины больше не оборачивались мне вслед. На уход за собой не хватало ни времени, ни средств. Однажды, притаранив на пятый этаж (лифт в тот день не работал) тяжеленную торбу продуктов, я взялась расстегивать старые сапоги в коридоре, а молния как на зло заела. Я сползла на пол и разрыдалась так громко и отчаянно, что даже приросший к дивану Забельский вылетел стрелой в прихожую. «Умер кто?» выдал он единственную возможную причину для такого отчаянного крика души. «Да! Я!» выдавила я сквозь всхлипы. «Заболела?» ужаснулся диваножитель. Мое нечленораздельное хлопание прозвучало как положительный ответ. Потом на кухне после третьей чашки нервного сбора, я призналась, что грызет меня изнутри не страшная болезнь, а прожорливый паразит по кличке «быт». На Забельского мой эмоциональный выкидыш оказал положительное действие. Уже на следующий день он встряхнулся, сходил в дешевенькую парикмахерскую в соседнем подъезде, втянул выкатившийся за недели спячки животик, побрызгался Готье Нотте местного разлива и объявил, что отныне будет искать работу. В моей душе вспорхнула пестрая бабочка с мелкими вкраплениями надежды и счастья на бархатных крылышках. Благих намерений Забельскому хватило на две недели. Потом начались гневные тирады про «козлов работодателей» и их неспособность оценить манну небесную, свалившуюся на их

тупые рогатые головы в виде его замечательной кандидатуры. Я чувствовала, что еще немного, и моего непризнанного гения опять примагнитят два верных товарища – телевизор и диван. Но тут на нас обрушилась невиданная удача (спасибо Богу и мамаше Забельской) – Денису предложили должность гравбуха в местной строительной компании. Платили немногим больше, чем мне на моей «работке», но приставка «главный» приятно ласкала мужское самолюбие. Наша семейная лодка выровнялась и нехотя потащилась вперед по волнам. На неделе мы виделись только по вечерам и едва обменивались парой малозначительных фраз (дивано-телевизор ведь никто не отменял). Супружеский секс был редким, поспешным и однообразным. Денис не считал нужным менять удобную и эффективную (для него) миссионерскую позицию. А мне уже было все равно. Мои яркие фантазии затерялись в серо-черной палитре будней. По выходным мы обычно ездили на огород к родителям. Денег на кино, рестораны и прочию бесполезную трату времени Забельскому было жалко. Тещин домашний шашлык был на его взгляд в сто раз вкуснее любой «чужой жратвы». Он делал вид, что участвовал в процессе поджаривания этого самого шашлыка на ржавом мангале, в то время, как вы с мамой стригли овощные салаты. Посмотреть со стороны, не семья, а сплошная рекламная идиллия. А меня обуревала зеленая, как листья дачных лопухов, тоска. «Что так всегда и будет?» спросила я как-то у мамы, используя нарезания лука как предлог пустить скупую слезу. «Как так? Нормально вроде живете? Все как у людей» подняла на меня непонимающий взгляд родительница. «Мне кажется, я не счастлива» всхлипнула я. «Не гневи Бога, Лиза. Муж у тебя верный, работа неплохая, что еще надо?» «Хочется праздника. А у меня с Денисом одни сплошные бесконечные будни». «Так жизнь это и есть будни! Почему, думаешь, все фильмы и романы кончаются свадьбой? Потому что дальше неинтересно». Мамина реплика прозвучала как приговор. Я подумала, что следую шаг в шаг ее примеру. У них с отцом тоже не было общих занятий кроме этого окаянного огорода. Вроде вместе, а вроде и каждый сам по себе. «Ребенка лучше заведите. Вся дурь из головы выветрится!» дала она мне дельный совет, не замечая моих совсем не «луковых» слез. Слава Богу, у меня хватило ума не последовать ему. Мне шел 26-ой год, когда однажды к нам в банк заявила иностранная делегация повышать нашу квалификацию. После длинной и скучной конференции принимающая сторона пригласила гостей в ресторан «Золотой погребок», славившийся в Новгороде своими наваристыми щами и отменной кулебякой. По проискам плутовки судьбы я оказалась за столом напротив видного итальянца со звучной фамилией Фортунатти. Под его пристальным зовущим взглядом мне в горло не лезли ни щи, ни кулебяка. Внутри меня пробудилась усыпленное Денисом горячее пульсирующее желание. Фортунатти принял мои пылающие щеки за сигнал к действию и ненавязчиво предложил пропустить по бокалу у него в номере. Верной и честной жене следовательно непромедлительно отказаться. Я послушно последовала за незнакомым мужчиной, гонимая неведомым доселе зовом тела. В уютном полумраке гостинечного номера итальянец протянул мне бокал густого рубинового вина, заглянул в глаза и нежно провел пальцами по моей щеке. От последовавшего за этим поцелуя у меня подкосились ноги, и по коже засеменили миллионы маленьких дрожащих мурашек. Они сбились в кучу и скатились вниз живота, призывно пульсируя. Фортунатти никуда не спешил, наоборот он нарочно растягивал свои умелые ласки, чтобы довести партнершу до иступления. В ту ночь я впервые испытала восторг от физического единения с мужчиной. И это открытие перевернуло все мое мировоззрение с ног на голову. Домой я заявила далеко за полночь. Денис возлежал в привычной позе (одна рука в пакете с чипсами, другая, нырнув в штаны, охраняет младшего друга) перед кишащим роботами боевиком. «Че так долго?» рявкнул он в мой адрес, не отрывая взгляда от экрана. Я прошла в комнату и плюхнулась в кресло. «Скажи ему! Давай же! Посмотрим, как вытянется его физиономия! Может, даже чипсами подавится!» прорезался в моей голове ранее незнакомый мне посторонний голос. «Я тебе изменила» послушно выговорила я.

Денис отлепил глаза от киборгов и уставился на меня с неподдельным изумлением. «Будем разводиться» продолжила я. «Погоди, чего так сразу! Объясни, что к чему. Может, я тебя прощу». Я представила себе, как все последующие годы при любом удобном и неудобном случае Забельский будет плевать мне в лицо этой моей «ошибкой» и махать перед носом своим великодушным прощением. Но страшнее казалось даже не это. Страшнее было остаться в этом беспросветном, пестрящем желтыми лютиками болоте и медленно разлагаться день за днем. «Ты достойна лучшего» громко прозвенел голос, и я увидела его обладательницу – молодую очаровательную блондинку, имеющую отдаленное сходство со мной. Моих родителей известие о разводе ввело в ступор. Подобное непредвиденное изменение вектора нормальности никак не хотело укладываться у них в голове. «Почему, Лиза, что случилось? Денис изменил тебе?» допытывалась мама, усадив меня на кухне за тарелкой борща. Я неопределенно пожимала плечами, стараясь изо всех сил придать лицу полагающееся по ситуации скорбное выражение. «Ну, и что такого! Мужчины они такие! Это, можно сказать, даже нормально. Зачем разрушать семью из-за такой ерунды?» В приятной роли жертвы однако я пробыла недолго. Забельский поспешил растрезвонить всей округе истинную причину нашего расставания. Однажды вечером папа вернулся с работы чернее тучи и, мрачно отодвинув дымящуюся гречку с котлетами, в ответ на мои приветствия демонстративно отвернулся к окну. Потом я слышала, как он жаловался маме: «Боже, какой стыд! Где это видано, чтобы женщина так себя вела! Кого мы воспитали? Все вроде правильно делали, как надо, как все! И вот пожалуйста! Как я теперь людям в глаза буду смотреть?» Выходило, что муж-гуляка – это была приемлимая норма, а сбегавшая на сторону жена – достойная всяческого порицания падшая женщина. Я ловила на себе укоряющие взгляды знакомых, слышала нарочито громкий шопот бабулек из подъезда у себя за спиной, и периодически, закрывшись в туалете, становилась невольной свидетельницей сплетен коллег. «И чего ей только не хватало?» ворчала менеджер по персоналу Анюта (которая уже много лет набивалась мне в лучшие подруги) «Муж-красавец! Ан-нет, зачесалось одно место. Кто любовник-то, не в курсе? Она к нему вообще ушла?» «Говорят, иностранец» раздавался в ответ звонкий голосок секретарши Любы. «Она к нему хотела переехать, да нужна она ему больно! У него за границей своя есть!» «Так ей и надо! Осталась у разбитого карыта» счастливо хохотнула Аня. С роковым мужчиной Фортунатти, кстати, я с той памятной ночи больше не виделась. Он не оставил мне своих координат, да и я, честно говоря, не стремилась взрастить из этой случайной яркой вспышки нечто продолжительное и серьезное. Пару месяцев спустя страсти вокруг моей подлой измены немного улеглись. Отец постепенно начал общаться, пусть холодно, но все же, с опозоревшей семью дочерью. Коллеги переключились на роман 65-летнего начальника с 21-летней официанткой из банковского кафе. Как-то вечером я зашла на бывшую квартиру за забытыми в попытках побега вещичками. Дверь мне открыл гладко выбритый, источающий аромат недорогого рыночного парфюма Денис в чистой (!) футболке и немодных, но опять же незаляпанных никаким кетчупом джинсах своего размера. Обычно мой бывший муж предпочитал возлежать на диване в сальной майке-адкоголичке и растянутых «трениках». Из-за его спины на лестничную клетку выплывал умопомрачительный аромат запеченой курицы. Узрев на пороге изменницу, Забельский расплылся в довольной улыбке (должно быть, решив, что я пришла каяться). Выслушав цель моего визита (и не поверив) галантно пропустил в дом. Квартира так сверкала чистотой, что этот непривычный блеск в комплекте с белыми ручной вязки салфеточками резанули мне глаз. Представить, что Денис самостоятельно помылся и побрился я еще могла, а вот за вязанием этих старушеских кружев бывшего благоверного упорно не видела. Мою прорезавшуюся догадку моментально подтвердило появление в комнате третьего персонажа – Светланы (той самой, что была влюблена в этого мужчину-мечту в универе). Забельский собственнически подхватил ее за талию, и они оба уставились на меня с горделивым вызовом. Не знаю уж, чего они ожидали, слез, раскаяния, битья головой

о стену, но мое спокойное безразличие явно разочаровало сладкую парочку. Приглядывая, чтобы незваная гостя не прихватила лишнего, они демонстративно лапали друг друга и обменивались всякими приторными «зайчишками» и «котиками». Я поспешила завершить побыстрее свою миссию, потому что взирать на это безобразие было откровенно неприятно. Шагая домой я думала о Денисе, о себе, о Свете. Вот ведь как он расцвел в ее умелых руках. Так и светится как медный таз. А мои руки, выходит, были неумелые? Мало было, что я пахала за двоих и кормила его, надо было еще следить, чтобы он чистил зубы и брил область бикини. И была бы у нас нормальная, приличная семья с общепризнанным штампом качества. Но нет, снесло меня с правильного пути итальянским ветром, и я, застряв на распутье, не знала, куда держать дорогу дальше. Жить с родителями в 26 лет и спать в комнате, набитой старыми плюшевыми игрушками и расклеяной плакатами Spice Girls было как-то стыдно. При чем стыдно не перед коллегами в банке, не перед приятельницами, которые уже вовсю катали по двору коляски, а перед самой собой. Головокружительная карьера мне в ближайшее время (и вообще в этом хилом филиале банка) явно не светила, но на отдельную трущобу с очередными лютиками на стенах моей зарплаты хватало бы. И я уже начала просматривать объявления, когда подруга Катя пригласила меня на свой день рождения. Там я и познакомилась с греком Василиосом. Последний приехал в русский город на встречу с интернетной знакомой Зиной, которая при ближайшем рассмотрении оказалась толстой рыжей веснучатой девахой, не имеющей ничего общего с посланной бедняге Василиосу фотомodelью. В то время с растущей доступностью Интернета сайты знакомств вообще полезли отовсюду как улитки после дождя. На реальные встречи решались пока немногие, а вот «чатились» с экзотическими европейцами почти каждая уважающая себя студентка, не успевшая вовремя выскочить замуж за соседа Петю. Разочарованного грека Васю Катерина зацепила прямо на улице. Точнее зацепил ее он банальным вопросом «как пройти куда-то там». Катя не осталась равнодушной к его жгучим глазам цвета бархатной кипрской ночи и ловким комплиментам, которые этот умелец ловко вплетал в любую фарзу, и даже удостоила приглашением в гости. В последствии она, должно быть, пожалела о своем необдуманном поступке, потому что тем вечером впечатлительный заморский красавчик предпочел мои светлые кудри ее темным локонам. Я, наученная неудачным опытом с Забельским и Светланой, вовсе не намеревалась вероломно рвать с корнем свежий побег чужих отношений. Но Василиос прилип ко мне намертво, и моим вялым аргументам внимать отказался наотрез. В результате ушли мы все таки вместе под злобный шопот девчонок и смертоносные пули Катиных взглядов. Через две недели я взяла отпуск на работе и отправилась вместе с новым кавалером на его родину – солнечный остров Кипр. Мама с папой от подобного известия просто позеленели с ног до головы и слились по цвету со своими огородными питомцами. Собирая чемодан, я слышала хриплый папин стон из гостиной: «Моя дочь – валютная проститутка!» Мне показалось, что общее горе родителей даже как-то сблизило. Впервые за всю мою жизнь я увидела, как мама держит отца за руку. Подобная невиданная в нашей семье тактильность поразила меня до глубины души. Зато нарушившую неписанный устав дочь единогласно признали изгоем, гнилым яблоком, укатившимся в канаву от безупречной яблоньки. «Ну, и фиг с ним» пожала плечами блондинка. Кипр сбил меня с ног своими яркими, утыканными пальмами пейзажами, нежно изумрудной морской гладью, изумительно вкусной едой и шелковистым местным вином. В таком перевернутом состоянии я пробыла все отмеренные семь дней отдыха. Василиос неустанно забрасывал меня охапками комплиментов. Ему удалось растолкать дремавшую во мне годами красивую женщину. Не просто обычную, нормальную, как все... А красивую! Ведь до этого молодого киприота никто и никогда не подчивал меня подобными лестными прилагательными. Большим максимумом того, что мне удалось выжать из Забельского, было «ты мне нравишься». А говорить о любви Денис считал такой же недостойной настоящего мужика слабостью, как, скажем, брить подмышки. Василиос же осыпал меня словестной нежностью с ног до головы

каждый день с утра до вечера. И эта интенсивная терапия пошла мне на пользу. Я загорела, похорошела, поправилась на два килограмма в нужных местах и, кажется, даже начала постыгать запрещенную родителями науку быть счастливой. Когда пришло время уезжать, я представила себе хмурые лица опозоренных отца с матерью, завистливые ухмылки соседей и коллег, глупые пыльные морды плюшевых игрушек, кислую мину начальника, и решение созрело моментально. «Как это не приедешь?» удивленно зашелестел в трубке мамин голос. «А работа? Ты что, Лиза! Так нельзя!» «Отныне я буду сама решать, что можно, а что нельзя. Пока, мама!» сказала за меня блондинка. Мне без труда удалось найти «работку» в туристическом бюро в Ларнаке, знаний русского и английского хватило с лихвой. Пылкие отношения с Василиосом протянулись еще месяц. Потом меня начали раздражать сотни бесконечных однообразных эсэмесок: «где ты, любовь моя?» «почему так долго?» «я сейчас умру, если ты не приедешь!», засорявшие без устали мой телефон. Однажды я не пришла, и он вопреки обещаниям не умер. Хотя отколупать его окончательно с красочной поверхности своей новой кипрский жизни вышло не сразу. Василиос еще долго караулил меня после работы, тащился следом, забрасывая признаниями в любви, плакался, как несчастен без меня. Пришлось пойти на крайние меры и переспать с мощным вышибалой из Айа-Напского ночного клуба. Потом у меня была еще целая охапка разнообразных киприотов. Все они подобно Василию ловко плели сети комплиментов, были через чур восторжены во время секса и давали обещания, исполнять которые не собирались (не «я сейчас умру» разумеется). Я уже начала немного ориентироваться в греческой постельной лексике, когда на моем пути возник Маркус. Мы встретились на организованной общей знакомой русской киприоткой Ксенией вечеринке. На первый взгляд, мужчина как мужчина, среднего роста, заметно старше меня, приятной, но не запоминающейся наружности. Но стоило мне погрузиться с его биополе, как в животе у меня впорхнула разноцветными крылышками огромная стая крупных бабочек. Была в Маркусе какая-то невидимая, неосязаемая магнетическая сила, какая-то завуалированная, но мощная притягательность, какое-то скрытое обещание чуда. Его мягкая, бархатистая, слегка насмешливая улыбка, приятный баритон и неповторимый густой мужской запах заставили бабочек вылететь на поверхность и разбежаться по моему телу миллионами предвещающих удовольствие мурашек. Он пригласил меня в ресторан, и я, ни секунды не раздумывая, согласилась. Завязавшиеся далее отношения разительно отличались как от сухих трудовых будней с Забельским, так и от слезливых воспеваний Василиоса. Это было нечто особенное, как мне тогда казалось, настоящее. По окончании своей миссии на Кипре, Маркус позвал меня с собой в Лондон. Он был экспертом-консультантом в судостроительстве, и его профессиональная деятельность подразумевала частые разъезды. Однако большее количество времени Маркус проводил в своей лондонской резиденции, где я в скором времени сделалась полноценной хозяйкой. Серый Лондон поразил меня не меньше красочного Кипра. Я почувствовала себя Фросей Бурлаковой, приехавшей из тьмы таракани покорять столицу. Боже мой, Какие тут были магазины, музеи, рестораны! А какими разными, не похожими друг на друга оказались жители столицы! Я как-то сразу прониклась любовью и уважением к этому вечно бурлящему жизнью пестрому многогранному муровейнику. Маркус не настаивал, чтобы я работала. Даже наоборот, говорил, что ему приятнее видеть меня вечером улыбающуюся и полную сил (которые, разумеется, стоило потратить на любимого мужчину). В начале это непривычно избыточное свободное время меня немного тяготило. Потом я обросла парой-тройкой ненавязчивых приятельниц, с которыми можно было вести пустые беседы за чашкой кофе и маффином, и завела себе приятное хобби – шоппинг. Мне доставляло удовольствие пролистывать килограммы модных изданий, выбирать симпатичные вещички (как правило недорогие) и при их помощи постоянно менять свой стиль. Маркуса мое увлечение не беспокоило, регулярно покидающие банковский счет небольшие суммы были для этого состоятельного бизнесмена каплей в море. А закупаться в серьезных брендовых магазинах

я в ту пору не решалась. Очень скоро подобное безмятежное существование, лишенное мучительных утренних подъемов (оказалось, что я от природы сова), транспортной толкучки и придинок начальства сделалось для меня привычным. Я с недоумением вспоминала измученную замухрыжку Лизу Забельскую, которая перла домой тяжелые пакеты с продуктами, стряпала мужу-бездельнику нехитрый ужин, падала в изнеможении на твердую кушетку и вздрагивала каждое утро в 6 часов от резкого звона будильника. И это бесконечное хождение по мукам мои родители величали «нормальной жизнью»? Кстати о них, о моих принормальнейших маме с папой. С тех пор как я переехала в Лондон, наше и без того не очень активное общение совсем заглохло. По телефону они отвечали сухо и сдержано, от видео-сеансов в Скайпе отказывались, ссылаясь на отсутствие компьютерных навыков. Не могу сказать, что этот, выражаясь молодежным сленгом «игнор» меня сильно беспокоил. Моей семьей стал Маркус, воплотив в себе отеческую заботу, дружескую поддержку и нежность любовника. Не могу сказать, что я сгорала от любви к нему. Наверно мне вообще не свойственны гипертрофированные эмоции. Во время его длительных и частых деловых поездок я не имела обыкновения забрасывать своего добытчика грудой бессмысленных слюнявых посланий. Он привычно звонил мне два раза в день, утром и вечером, узнать, все ли в порядке. Мне этого хватало. И ему, я была уверена, тоже. Ведь тон отношений как правило задает мужчина. Однако, вскоре выяснилось, что считать себя знатоком мужского пола оснований у меня не было. Однажды (словосочетание «один прекрасный день» к этому эпизоду моей биографии точно не подходит) Маркус, спеша на работу, забыл закрыть свой профиль. Любопытство с маленькими чертиковыми рожками дернуло меня заглянуть в столь откровенно распахнутый монитор. Я ожидала увидеть там что угодно, только не представившуюся моему взору ошеломляющую картину. Мой Маркус длительное время состоял в активной переписке с некой Оливией, обладательницей легкомысленного ника «Оле-оле». И, похоже, что перепиской дело не ограничилось. «Изнемогаю от любви и желания» бессовестно строчила эта красная тряпка «Когда же мы увидимся, любимый?» Виделись они часто. Ровно в те временные отрезки, на которые приходились командировки моего кораблестроителя. Мои вытаращенные глаза ошалело носились по экрану, глотая одну горькую пилюлю имейла за другой. Последняя, датированная сегодняшним днем, застряла в горле, заставив закашляться. «Я мечтала сказать тебе об этом, глядя в твои необыкновенные шоколадные (поэтесса недоделанная!) глаза. Но к сожалению, придется ждать еще две долгих недели, прежде чем я могу сжать тебя в своих объятиях! Мой родной, милый, любимый, я беременна! Это такое счастье!» Дальше лился еще целый ручей восклицательных знаков, но врожденный инстинкт самосохранения не позволил мне окунуться в него с головой. «Вот сволочь! Как он мог!» забилась в истерике моя блондинка. «А ведь Маркус специально не закрыл свой профиль и оставил компьютер включенным» прозвучал сквозь ее рыдания незнакомый ровный голос. «Ему просто не хватило смелости рассказать тебе правду, глядя в глаза». Тогда в этой шикарной лондонской квартире, которая в одночасье перестала быть моей, меня, пораженную громом неожиданного открытия, впервые посетила рассудительная дамочка с темной шевелюрой и моими чертами лица. Мой теплый комфортный мирок разорвало на части взрывом предательства. Мне хотелось разрыдаться, но слез как на зло не было. Было одно лишь горькое сожаление о всех тех приятных привычках, что мне предстояло потерять с уходом Маркуса. И еще немного серого дребезжащего страха перед заступившей на порог неизвестностью. Вечером у нас состоялись «разборки». Некогда мой, а теперь совершенно чужой мужчина ничего не отрицал и ни в чем не раскаивался. Этот наглец даже попытался свалить часть вины на мои хрупкие женские плечи. «Ты холодная. Я замерз с тобой» заявил сдержанный бизнесмен, ни разу не признавшийся мне по-настоящему в любви. Меня так и подмывало обрушить на его подлую поредевшую макушку ведро ответных обвинений. Но мудрая брюнетка заткнула мой открывшийся уже в возгласе негодования рот. «Тебе выгоднее остаться его другом» прошептала она мне на ухо «Обозвать этого гада козлом

рогатым ты сможешь, когда у тебя будет жилье и копеечка на счету. А пока лей слезы по обманутой любви». Я так и сделала. Маркуса мои всхлипывания удивили и даже немного расстрогали. «Прости меня» выдавил он, состоив мучительную гримассу, «Конечно, я тебе помогу первое время. Ты ни в чем не будешь нуждаться». «Буду! Я буду нуждаться в тебе» подкинула бровнышек трагизма в загоревшийся между нами огонек былой страсти я. Расчет оказалась верным. Вместо того, чтобы облегченно хлопнуть дверью, сбежав от разъяренной мегеры, Маркусу пришлось по возможности заглаживать свою вину перед незаслуженно обманутой влюбленной женщиной. Он нашел мне жилье, и оставил в моем распоряжении кредитную карточку до того времени, когда я обзаведусь работой. Однако снова водружать себе на спину тяжелое бремя трудовых будней у меня не было ни малейшего желания. Искать платежеспособного спутника оказалось намного увлекательнее, нежели рассылать СиВи и таскаться по унижительным собеседованиям. Перебрав несколько состоятельных британцев, я, устав от серости и морозящего дождика, уложила в чемоданчик блондинку и брюнетку и уехала в гости к морю, солнцу и новым впечатлениям. В Канны.

Как же некстати на меня обрушился этот пыльный ворох воспоминаний! И так настроение ниже нуля. И морщина эта новая. Гордо взирает на меня из зеркальца и убираться восво-яси, похоже, не намерена. Я еще раз тщательно намазываю лицо толстым слоем крема, как будто заправляю *tarte tropézienne*[5] и укладываюсь перед телевизором с бутылкой минералки. Надо срочно что-то делать! Прямо завтра с утра. По Arte начинается передача про жизнь камчатских бобров.

Глава 3.

Счастливый билетик, который достался не мне

На следующий день я просыпаюсь в значительно лучшей форме (ну, хуже, признаться по правде, было уже некуда). Мешки заметно сдулись, вскормленная черной икрой кожа немного подтянулась. Разве что вчерашняя незваная гостья решила, похоже, прописаться на левом веке. «Ничего, мы еще посмотрим, кто кого!» подмигиваю этой тонкой кривой возрастной отметке я. Мучимая последствиями нездорового времяпровождения, я так и не удосужилась вчера пополнить запасы продуктов. Придется заняться этим малоприятным, но неизбежным занятием прямо с утра. Я натягиваю плюшевый спортивный костюм *Juicy Couture*, завязываю не первой свежести волосы в скромный пучок, прячу ненакрашенные глаза под крупными стеклами солнечных очков и, захватив продуктовую авоську, отправляюсь на рынок. Южное солнце, не знающее никакой пощады, агрессивно атакует мою незащищенную голову. Потолкавшись немного в очередях и выслушав жалобы скучающих пенсионеров, я становлюсь счастливой обладательницей свежих рыбы, мяса и овощей. По дороге домой, я захожу в газетный киоск за новой пачкой сигарет. Передо мной опрятный старичок мусолит в руках новый выпуск *Canard Enchaîné*[6] с искаженной физиономией Франсуа Олланда на первой полосе, пытаюсь определить, стоит ли выкладывать за эти газетные листки евро двадцать. Я пробегаю глазами модную прессу. В начале августа, как правило, поглазеть совершенно не на что. Все летние хиты уже затерлись до дыр и разошлись на распродажах, а знаменитый сентябрьский выпуск, демонстрирующий обывателям осенние преоритеты, еще не поступил в продажу. За моей спиной невыразительной наружности мужчина запихивает в автомат мятые лоторейные билетки. Обычно таким дедовским способом выйгрыш проверяют пожилые игроки. Собранные охотники за удачей пользуются приложением *Евро Миллион* на своих айфонах. Мне известен нехитрый принцип этой популярной в Европе лотореи. Я несколько раз испытывала свою удачу, отметив наугад крестиком пять номеров и две звездочки. Однако судьба не посчитала нужным превратить меня в мгновение ока из простой содержанки в независимую миллионершу. За что я до сих пор на нее немного обижена. «О, мосье! Вы выиграли!» долетает до

меня возглас продавца. «Повезло этому замшелому. Получит 5 евро. Или 10» думаю я, листая старый Vog. Вот тут как раз мое платье Ланван на всю страницу. Не скажешь уже следующим летом, что только что купила! Эх, жизнь жестянка! «150 миллионов, мосье! Главный приз!» хрипит тем временем торговец за моей спиной. «Не может быть!» вторит ему ослабевший от подобного открытия мужской голос. Меня с ног до головы пронизывает мощный электрический заряд. «На его месте должны была быть я!» хочется заорать мне и покатиться по полу в истерике. «Остынь!» дергает меня за руку брюнетка. «Не пари горячки! На его месте еще можешь оказаться ты!» «Да, точно» утешительно гладит по плечу блондинка, «Попробуй сыграть сегодня. Может, повезет?» «Белобрысая дура!» выходит из себя темненькая, «Разуй глаза, она уже выиграла! Вот он стоит, ее счастливый билетик!» Я продолжаю автоматически переворачивать глянцевые странички, делая вид, что все происходящее меня никаким образом не касается. Впрочем участникам этого жизненного спектакля нет до меня никакого дело. Все троя, включая пенсионера с уткой на цепи, прибывают в состоянии глубокого шока. «И что мне теперь делать?» шепчет выигравший. Я пытаюсь разглядеть его краем глаза. Это высокий брюнет не на много старше меня в серой майке Адидас на размера два больше нужного, вытянутых джинсах с высокой (о, Боже!) талией и стоптанных ботинках, которые он, должно быть, унаследовал еще от вернувшегося с Первой Мировой прадедушки. «Да, миллиончики будут этому бедному замухрышке не лишними» вынуждена признать я. «Мы вам, конечно, такую сумму выдать не можем» лепечет продавец, «Надо будет позвонить вот по этому номеру. Там вам все объяснят». Плохоодетый вахлак топчется на месте, не решаясь, видимо, поверить своей удаче. Ну, почему, почему эта эксцентричная мадам всегда достаивает своей щедрой улыбкой вот таких вот невзрачных лузеров? Этот чебурашка даже понятия не имеет, как обращаться с обрушившимися на его лохматую голову деньжищами. «Да, опытный помощник ему в этом нелегком деле не помешает» подмигивает мне брюнетка. Наконец, счастливчик нетвердой походкой направляется к выходу, бормоча на ходу какие-то невнятные слова благодарности. Старичок отправляется следом. Я быстро расплачиваюсь на первый попавшийся под руку глянец (какой ужас, им оказывается Voici[7]), и выскакиваю на улицу. Кудлатый уже набирает номер Francaise des Jeux[8]. Дедок переминается рядом с ноги на ногу. Я закуриваю сигарету, спрятавшись за синим мусорным баком. «Алло, добрый день. Я... мне... в общем, я, кажется, выиграл в лото» Из моего убежища мне прекрасно слышен голос этого мямли. «Креститься надо, когда кажется!» про себя злюсь я. «Нет, точно выиграл. Все номера сошлись. Тираж прошлой пятницы. Да, жду». Во время разговора он совершает какие-то безвекторные движения, грозят сбить примостившегося рядом любознательного старикашку. «Да! Мое имя? Франсуа Дюбуа. 15 rue du 11 Novembre. Канны. Номер телефона? Да, 06...» Последнюю комбинацию цифр мне запомнить с ходу не удастся. «Когда можно приехать? В парижский офис? Прямо завтра? Да, конечно! Спасибо! До свидания!» Ну, вот, теперь просто стащить у этого болвана счастливый билетик не получится. Хотя... Доказательств, что выиграл именно он кроме этого жалкого клочка бумаги все равно никаких нет. Мало ли какому чокнутому приснилось во сне, что он сделался миллионером. Ладно, посмотрим, как дальше будут развиваться события. Пока что этот балда очень удачно выдал мне свое имя и адрес. Франсуа Дюбуа! Monsieur Tout-le-monde! Такое же примитивное невзрачное сочетание как Иван Петров. Ну, и угораздило же Всевышнего, право слово! « Конечно, надпись « Мадмуазель Елизавета Кравченко » выглядела бы на чеке куда более эффектно!» хихикает блондинка. Мой среднестатистический француз тем временем, очухавшись немного, двигается вперед по улице. Пожилой любитель политический дрызг не отстает от него ни на шаг. « Мосье, вам очень повезло » доносится до меня его хрип, «Поздравляю вас! » Небось будет денег клянчить, думаю я, сливаясь с толпой. Везунчик бубнит в ответ что-то невразумительное. « Вы должны быть очень осторожны. Никому не рассказывайте о своем выигрыше ! Люди ведь, разные бывают ! » Ишь, какой советчик нашелся. «Да, да, спасибо, простите, мне нужно бежать». Франсуа Дюбуа, резко изменив направление, исчезает

за поворотом. Ну, от меня, колобок, ты так ловко не сбежишь! Периодически останавливаясь, забегая в магазинчики, застревая в выдуманных людских пробках (оказывается, во мне погиб талантливый шпион!) я провожаю свой « объект » напрямик до дома на улице 11 Ноября. Пока он роется в кармане безформенных джинсов в поисках ключа, мне удается ухватить еще один обрывок телефонного разговора. «...завтра в Париж. Да, желательна прямая. В 8 или в 12 только? Ну, давай в 8. Не, потом объясню. Да, ничего не случилось...» Взбалмошная госпожа удача швыряет мне обеды с барского стола, удостоив главного блюда вот этого снусмумрика. Ну, да, ладно. За Франсуа захлопывается дверь. Я опускаюсь на скамейку в ближайшем сквере и прикуриваю сигаретку. «Ну, что, девочки, что будем делать?» обращаюсь к своим верным советчицам. «В идеале, конечно, завладеть заветным листочком до того, как мосье Дюбуа пересечет порог офиса Francaise des Jeux » размышляет вслух брюнетка. «Тогда и связываться с этим вахлаком не придется». «Завались к нему в гости с декольте и мини, усыпи хлороформом и обшарь квартиру» выдает гениальную идею блондинка. Брюнетка презрительно морщит физиономию. Выглядывающая из авоськи свежая камбала страшно выпучивает глаза. А ведь я про нее совсем забыла. Стухнет сейчас на жаре бедолага. Предложение блондинки меня не устраивает, от него как-то неприятно пахнет криминалом. Тем более, кто его знает, этого страшила мудрого, куда ему взбрет в голову спрятать бумажную ценность. Может, конечно, так и оставить в кармане своих безбожных шароваров, но интуиция подсказывает мне, что не так уж он одноклеточен, как кажется на первый взгляд. «Лучше попытаться удачу в поезде» выдает обладательница черной шевелюры, «У тебя будет пять часов на то, чтобы стащить у него билетик». «Как ты себе это представляешь?» недовольно хмыкаю я. «На что, чтобы это представить и спланировать у нас есть почти сутки» резонно замечает она. «То есть сегодня мы ничего не предпринимаем?» «Нет» мотает плоской головой камбала, «Пошли уже домой!» Мои ноги всюду сопротивляются, не желая удалиться от эпицентра потенциального богатства. Внутри булькает страх – а вдруг этот дурак отправится на прогулку и потеряет наш (!) бесценный талончик. Или расскажет о выигрыше какому-нибудь псевдо другу, и тот его обкрадет. Или похвастается перед симпатичной дурочкой, а та напустит на него вооруженных дружков. Или тот старикашка окажется не просто безобидным пенсионером (не зря такое агрессивное чтиво любит), а главой местной мафиозной группировки... От таких картин у меня голова идет кругом. «Нет, оставлять его одного в такой момент никак нельзя» решаю я. «Сейчас заброшу рыбу домой и вернусь на улицу 11 ноября». Говорящее, кстати, название улицы. 11 ноября во Франции отмечается победа союзников в Первой Мировой войне. Французских войнов на родине величали смешным названием – roilus – волосатые. Как мне объяснил один почитатель истории, термин этот не является ни в коей мере оскорбительным и не характеризует бойцов как заросших щетиной дикарей, а наоборот символизирует мужество и храбрость. Вот и наш кудлатый победитель проживает на улице 11 ноября. Забавное хитросплетение паутинки судьбы. Мне все таки удастся добраться до дома и забросить изнемогающую рыбку в холодильник до ее полного разложения. «Беги скорее обратно!» командует блондинка. Судя по ее размалеваной физиономии и безпардонному мини, отступить от своей сомнительной идеи она не собирается. «И что она там будет делать? Куковать целый день в свере и смолить одну сигарету за другой?» вздыхает брюнетка, «Если это деятель выйдет, она потащится за ним? Спешу тебе напомнить, что школу спецаргента наша курица не заканчивала». Как ни крути, она права. Толку от меня в парке напротив дома будет чуть. Я марширую по квартире задвигаясь вперед, надеясь, что где-нибудь на повороте мудрое решение само найдет меня. «Да, успокойся уже, не мельтеши» морщится брюнетка, «Закажи лучше себе билет в Париж на утро, а то раскупят еще». Я бросаюсь к ноутбуку, и спустя несколько минут становлюсь обладательницей пропуска в вагон первого класса поезда Канны-Париж. «А волосатик-то скорее всего поедет вторым», лениво замечает моя темноволосая подруга. «Ну, конечно! Миллионер, и поедет в Париж вторым классом!» сомневаюсь я. «Неужели ты думаешь, что, угадав комбинацию цифр,

этот индивид в наряде пугала, мгновенно оброс замашками богача?» Так или иначе, из первого класса во второй мне будет легче прорваться, чем наоборот. Следуя постулату, кто информирован – тот вооружен, я отправляюсь на виртуальные просторы собирать ценные сведения о моем объекте. Список зарегистрированных на фейсбуке Франсуа Дюбуа тянется вниз бесконечно долго. Попробуй по сантиметровому фото определить наш это герой или нет! Вот этот седовласый старец точно не он. Хирург из Тулузы тоже не похож. Хотя ничего такой, даже симпатичный. Впрочем хирурги, как показал Аришин печальный опыт, не самые приятные в быту люди. Листаем дальше. Пьяный студент. Совсем холодно. Бородатик из Лилля, Мочалка Боб без места жительства, грузовик из Аверни, закат солнца без дополнительной информации, симпатичная собачка с розовым носом, красный воробей из Angry Birds, грудной младенец со сморщенной физиономией (рано же современная молодежь садится за компьютер), улыбающаяся семейка, Франсуа Дюбуа – художник, пышногрудая блондинка тоже Франсуа Дюбуа... Ну, ничего себе их расплодилось. Я так до утра не управлюсь! Лысый булочник – явно не он. Еще одна собака, два кота, попугай, веселый мишка, голый мужской торс без головы (человеческий, уже неплохо)... Попробуем отфильтровать весь этот Божий зоопарк. Я ввожу в строке поиска: Francois Dubois Cannes. Ну вот, так бы сразу! Результата всего два. Клюшка для гольфа и унылая пальма. Что скажете на это, Холмс? Кто из этих двоих наш клиент? Клюшка или дерево? Элементарно, Ватсон, конечно дерево. Разве можно представить нашего лохматого приятеля в джинсах-бананах за игрой в этот аристократический вид спорта? Заходим в профиль пальмы. На нашу удачу, он открыт для посещений. Ух-ты, тут даже имеется еще одно фото. На сей раз на нем изображены лохматый брюнет и маленькая круглоголовая лысая девочка с немного неестественно выпучеными глазищами. Я прилипаю к монитору. Сомнений нет, это мой счастливчик собственной персоной. А вот эта мадмуазель в его объятиях мне что-то совсем не нравится. Не хватало еще, чтобы мой вахлак оказался намертво женатым счастливым отцом семейства! Такой плачевный вариант мне даже в голову до сего момента не приходил. Под снимком несколько комменариев каких-то Жан-Марков и Карин. Первый нагоняет на меня ужас. «Какой трогательный папочка!» За моей спиной раздается грохот. Блондинка упала со стула и теперь громко матерится, сидя на полу. «А жены-то невидать!» резонно замечает брюнетка, помогая ей подняться, «Если только это не пальма». «Какая разница, есть там или нет законная супруга», расстроено блею я. Этот маленький беззубый человечешка гораздо страшнее. Представим себе наихудший вариант – ловко стащить билетик в поезде у меня не получается, и Франсуа Лесник официально становится обладателем полторы сотни миллионов. Что дальше? Забыть об этой маленькой обидной кляксе на и без того не белоснежном листке моей биографии? Просто перевернуть заляпанную страничку и творить дальше? Или попытаться завладеть сокровенным богатством другим путем – через руку, сердце, желудок и все остальные прилегающие органы новоиспеченного миллионера? «Богатая идея» одобряет брюнетка «Вместо того, чтобы ловить уже готовых пересыщенных роскошью баловней судьбы, почему бы не взрастить себе собственного «комнатного» спонсора? Слепишь его таким, какой тебе нравится, и этот дурак еще будет всю жизнь благодарен Богу за встречу с такой шикарной женщиной». Это, конечно, факт, но тут в поле нашего зрения возвращается этот чертов снимок «трогательного» папаши и его щекастой дочуры. В случае воссоединения наших с Франсуа сердец и счетов, этот отпрыск получается третьим лишним. Так или иначе с ним придется делиться. «Ты прямо как в сказке про «шубку жалко», ехидничает блондинка, «Сначала убей медведя, в потом шкуру дели». Ладно, она права. Надо действительно сначала определиться, как охотить на этого хищника. Больше визуальной информации в профиле Дюбуа не имеется. Зато тут написано, что он родом из Гренобля (мрачный северный городишко, где мне случилось побывать один единственный ничем не запомнившийся раз) окончил там школу, потом какой-то ВУЗ экономика-финансы (оригинал!) и на данный момент проживает в г. Канны. Место работы не значится. Наверняка какой-нибудь мелкий клерк, которого начальство за какие-то

особые заслуги перебросило с севера на юг. Так, что тут еще... Любимая музыка: Coldplay, U2, Pink Floyd, Prince и даже Beatles. Monsieur Tout le monde очередной раз подтверждает свою sereneкую сущность. Среди любимых фильмов понуриив голову дефелирует вся классика американского кино. Я разочарованно вздыхаю. Профиль Франсуа не дал мне ни одного крючочка, но который можно было бы нацепить этого среднестатистического француза. Ни одного яркого флажка, которым я могла бы взмахнуть у него перед носом завтра в дороге – «О, а вы тоже любите испанские авторские фильмы 90-ых годов?» «Надо же, и я ярая поклонница творчества китайских художников эпохи Мин, в особенности Люй Цзи!» Согласитесь, что фраза типа «Вы тоже смотрели «Аватар»? Какое невероятное совпадение!» вряд ли сможет заложить фундамент долгой интересной беседы, в ходе которой мужчина и женщина выясняют, что просто созданы друг для друга. «Почему бы и нет?» хлопает ресницами блондинка, «Если при обсуждении синих нави у дамы будет выгодно колыхаться декольте». Фейсбук исчерпал свои ресурсы. Я перехожу в поисковую систему Google и печатаю фамилию и имя своего завтрашнего спутника. Первым гордо выскакивает художник гугенот, умерший в 84-ом году. Далее выползают незнакомые мне физиономии, в большинстве своем мало привлекательных современников. Никого, хоть отдаленно похожего на моего Дюбуа не видать. Вот разве что этот, в конце второй странички гугольных результатов. Черно-белое фото времен Джо Дассена. Прическа кстати точь в точь Джо. И куда приведет нас этот певун? О, а вот это уже интересно. Сайт знакомств «attractive world». Франсуа Дюбуа, Канны, 34 года, увлечения: бег, кулинария, путешествия, животные. Ищет: девушку от 25 до 35 лет (однако, мне едва удастся втиснуться в последний вагончик этих возрастных требований), спортивную блондинку (о, а вот это в яблочко). Последний визит на сайт датирован 10 июня этого года. Ну, что ж, подруги мои, а вот это замечательная новость! Наш объект не женат! Более того, он в активном поиске! «Насчет активного я бы усомнилась», гундит брюнетка, «Два месяца не заходил в этот «привлекательный мир» узнать, что там наловилось в виртуальные сети». «Может, за это время он уже нашел реальную блондинку» пессимистично предполагает светленькая. «Да, хоть двадцать! Главное – отсутствие штампа в паспорте. Все остальное – дело техники!» не поддаюсь на провокации я. Итак, подводим итог расследования. Нашему герою 34 года (детсад младшая группа), он имеет ребенка, но не имеет жены (это вообще в современной Франции очень привычный случай – многие пары сливаются в официальном браке уже после второго или третьего карапуза, многодетная мамаша в девственно белой фате всегда смотрится так «трогательно»). Все его вкусы и пристрастия укладываются в рамки ничем не выразительного середнячка. Вот бы моим родителям такой «нормальный» зять понравился! Что касается меня, то все мое существо активно отторгает этого невыразительного обывателя. Остается только надеяться, что удача меня не подведет, и завтра мне посчастливится завладеть заветной бумажкой. Потому как завладеть этим лохматым любителем бега и животных меня как-то ну совсем не тянет.

Вечером я разглядываю себя в зеркале-правдорубе. 35 никак не дашь! От силы 29... 28... 27... Для такого барана как Франсуа Дюбуа даже слишком хороша. А фигурка вообще песня. Баллада. О любви. Мне некстати вспоминаются сдержанные, но всегда искренние комплименты мосье Сешо. Его мягкий голос. Его теплая располагающая улыбка. То необыкновенно ощущение спокойствия, уверенности и защищенности, которое я испытывала в его компании. Блондинка вытирает слезы руковом халата. Брюнетка зажигает сигарету. Нет, хватит, эту станцию мы проехали. Меня ждет пересадка в другой поезд, отправляющийся завтра утром с Каннского вокзала. Утром. В невозможно ранний час. И чтобы сохранить физиономию 27-летней девушки, мне надо срочно ложиться спать. Что я и делаю.

Глава 4

Что делать в поезде, если не взял с собой курицу и выпивку.

Если вы когда-нибудь зададитесь мазохистским вопросом «как провести бессонную ночь?», вот простой и эффективный ответ: ложась в постель, обязательно скажите себе

«надо побыстрее заснуть, чтобы хорошо выспаться, завтра непременно надо быть в форме». Как правило, этого оказывается достаточно, чтобы запустить бойкий сердечный механизм, который будет взволнованно громыхать клапанами до рассвета. Во всяком случае, у меня всегда происходит именно так. Задавшись целью насладиться по максимуму лечебным сном, я уже получасом позже отправки на боковую, обнаружила себя вспотевшую от перекачивания с боку на бок с широко распахнутыми глазами и бешено скачущим сердцем. Пришлось прибегнуть к крайним мерам и заглотить таблетку Лекзомила вопреки собственному зароку больше сильнодействующими снотворными не баловаться. В итоге сквозь плотную пелену бесцветных грез я едва расслышала настойчивую трель будильника. Проклинаая все на свете и прежде всего подлого Франсуа, выбравшего для своей поездки такое неподходящее время, я выползаю из теплых объятий кровати и плетусь в душ. Быстрая косметическая зарядка приводит в порядок мою сонную физиономию. 27 мне этим утром может дать только очень лицемерный льстец. А вот на 29 еще вполне тяну. Перекусить я, конечно, не успею, от силы удастся встряхнуть свой вялый организм чашечкой рестретто и сигареткой. Одежду я подобрала с вечера. Тонкая, но непрозрачная шелковая блузка без рукавов (она ничем не примечательна, кроме, разве что, одной непослушной пуговички на груди, имеющей обыкновение расстегиваться на вздохе), простенькая юбка ниже колена (только истинный знаток усмотрит в ней крой и качество модного дома Диор), телесные босоножки на небольшом каблучке и старенькая потертая Neverfull Виттон. С любимыми украшениями и часами приходится расстаться. По разработанной легенде я еду в Париж на собеседование. Вся такая положительная, серьезная, в меру Тургеневская девушка. Вылетаю из дома, как всегда, в последний момент. Хорошо хоть, до вокзала 5 минут быстрым шагом, который в народе величают «бегом». Поезд уже не пероне. Нашего лохматого гороя нигде не видать. Придется обходить вагоны и заглядывать в лица пассажирам. Меня начинает покусывать паника. «Он передумал и не поехал!» кусает гелевые ногти блондинка. Я забираюсь в последнее купе (слава Богу, это транспортное средство насчитывает в себе только семь вагонов) и качу свой чемодан вперед, внимательно разглядывая отъезжающих. Очень скоро я застреваю в спровоцированной толстенной теткой в леопардовой пижаме пробке. «Вовик, я не понимаю, почему ты взял второй класс! Меня же тут стошнит!» громко возмущается габаритная хищница. Вовик, щуплый усач в белом сильно мятом костюме как-то невнятно оправдывается. Наконец, моей соотечественнице удастся утрамбовать свои телеса в кресло. «Провинция» мысленно хмыкаю, проезжая мимо, я (уроженка поселка Чечулино). Просканировав взглядом десятки несимпатичных невыспавшихся лиц, я начинаю уже было отчаиваться, когда мне на глаза попадает знакомый профиль под шапкой воинствующих темных кудрей. Бинго! Рядом с неприметным миллионером в стоптанных Конверсах намеревается расположиться высушенная солнцем до черноты костлявенькая француженка. На мое счастье, она отправляется вытащить из сумки забытую книжку. Тут-то я ее и перехватываю. «Прошу прощения, мадам, не могли бы вы поменяться со мной местами. Я хочу сделать сюрприз своему жениху!» сочиняю на ходу я. Дама смотрит недоверчиво на мой билет. «Но у вас первый класс». Я развожу руками, давая понять, что ради истинной любви я готова пойти на любые испытания. Даже на поездку вторым классом. «Хорошо. Удачи вам!» подмигивает она мне. Да, удача мне теперь не помешает. «Вперед на бордаж!» толкает меня в спину блондинка, «Не забудь пуговицу расстегнуть!» Брюнетка почему-то с самого утра молчит, наверно еще не проснулась. А может быть, просто не одобряет все это сомнительное мероприятие. Меня тем временем охватывает азарт игрока. Я запикиваю свою Виттон на полку, давая таким образом Франсуа полюбоваться моей фигурой и ощутить тонкий аромат моих духов. Впрочем, похоже, что мое присутствие пока является для него тайной. Этот вахлак по уши завяз в своем айфоне, только темечко кудлатое торчит. Ладно, будем доставать. «Добрый день» проявляю

вежливость я, усаживаясь на соседнее сидение. Дюбуа безразлично «бонжуркает» в ответ, не соизволив даже повернуть головы в мою сторону. Вот ведь червяк! «Тяжелый случай» констатирует брюнетка, зевая и потягиваясь. Ничего, мы еще посмотрим, кто одержит победу в этой Бородинской битве. Готовься, Наполеонишка! Я устраиваюсь поудобнее и открываю толстенный томик «50 Shades of Grey». Эта книга (которую я так и не удосужилась дочитать до конца) уже второй год служит мне верой и правдой. Она действует на мужчин как красная тряпка на быка, они почему-то сразу расплываются в сальной улыбочке и лезут знакомиться. Надо наверно все-таки домучить до конца эту невнятную маяту некрасивой Анастасии и великолепного Кристиана. Может, там в конце какая-нибудь сильная знаковая сцена вроде финала «Парфюмера». Кстати, в русском варианте этот шедевр современной литературы превратился с легкой руки какого-то умелого переводчика в «50 оттенков серого». Хорошо, хоть серый не с большой буквы. А то вышел такой красавчик миллиардер Серега. Впрочем, я отвлеклась. Как и следовало предположить, мой асоциальный сосед красную тряпку не замечает. В его телефоне происходит нечто гораздо более интересное и значимое. «Сделай вид, что заснула и положи голову ему на плечо» находчиво предлагает блондинка. «Боже, какая пошлость» морщится брюнетка. «Знаете, девочки, похоже, что тут случай действительно совсем запущенный, и мне придется идти на крайние меры» мысленно отвечаю им я. «С Богом» в унисон одобряют мои верные умнички. Я отправляюсь в вагон-ресторан. Название громкое, а кроме круассана, кофе, чипсов, да холодных бутербродов порадовать желудок там нечем. Впрочем, желудок у нас сегодня не преоретет. Я все-таки заглываю хилый сухой венский рогалик прямо на месте и, предусмотрительно убедившись в отсутствии крошек на губах и одежде, возвращаюсь на свое место с пластиковым стаканчиком ароматного кофе. Nespresso, what else? Именно, этот бодрящий напиток и окажет женщине посильную помощь в завоевании айсберга мужского пола. Неоригинально, согласна, но наш дружище, похоже, оригинальностью вообще не отличается, поэтому будем действовать наверняка. Перед тем как опуститься на сидение, я делаю вид, что ищу что-то в сумке, зажав дымящийся напиток в левой руке. Не трудно догадаться, что удержать равновесие мне не удастся, и секундой позже по синим джинсам Франсуа растекается огромное коричневое пятно. От неожиданности облитый роняет свой любимый айфон, да так неудачно, что этот лучший друг современного человека ударяется своим плоским лицом о металлическую панель и сморщивается кривой сеткой трещин. «Quelle conne alors! C'est pas vrai! [9]» выдает Дюбуа первую связную фразу в мой адрес. Многообещающее начало. После такого оскорбительного возгласа мне как-то и извиняться не хочется. Но приходится. «Простите. Поезд качнуло» щебечу я, наклеивая на физиономию виноватую улыбку. По сценарию мелодраммы лохматый (и, как выяснилось, лишенный элементарных манер) Франсуа должен, наконец, встретить мой взгляд и «навсегда потонуть в васильковой синеве моих глаз». Вопреки ожиданиям непривередливой читательницы герою нашего романа, похоже, откровенно наплевать, как выглядит убийца его верного электронного товарища. Он разглядывает своего покалеченного друга с таким ужасом и отчаянием, что мне на какое-то короткое мгновение даже становится его жаль. С телефоном я, конечно, хоть и не специально, но переядила. Испорченных брюк было бы вполне достаточно. По избитому плану я помогла бы Франсуа застирать пятно в туалете (ах, сколько перспективных кавалеров было уведено мною таким вот нехитрым способом у хватких подруг), что естественно сразу бы сблизило нас. «Извините меня, я правда не хотела!» настаиваю я. «Что же теперь делать» бормочет мой попутчик, не обращая на мои покаяния ни малейшего внимания, «Там же все контакты, вся информация...» «Если вам нужно позвонить, могу вам одолжить свой телефон» не отстаю я. Волшебное слово «телефон» на мгновение выводит Франсуа из транса, и он впервые разворачивается в мою сторону. На его неуродливом, но слишком молодом на мой вкус лице переливается такая многогранная палитра раздражения, что ее разнообразным оттенкам мог бы позавидовать даже Кристиан Грей. «И как вас вообще угораздило!» цедит он сквозь зубы, явно не собираясь не то чтобы

утопать, а даже ноги помочить в «озерах моих очей». «Пуговица!» тербит меня за плечо блондинка, почуввав надвигающееся фиаско. Я повинно вздыхаю. Пуговичка на блузке как по команде выскакивает из своей петельки, выставив на обозрение соседа краешек кружевного белья. А на моих коленях все еще призывно сигналият «50 Shades». Однако, наш середнячок Дюбуа оказывается крепким орешком, совершенно равнодушным к этим маленьким женским хитростям. «Я же извинилась» продолжая растягивать губы в улыбке я, «Вот возьмите салфетку». «Салфетку? Зачем?» Я поднимаю бровь, указывая на кофейное пятно. Франсуа явно не принадлежит к разряду метросексуалов, собственная внешность волнует его меньше всего на свете. На фоне преждевременного ухода из жизни милого сердцу айфона такая мелочь как заляпанные джинсы вообще остается незамеченной. «А... да... Нет, не надо салфетку. Я схожу в туалет. Блин, что же делать с телефоном! Какая все-таки...» Я поспешно поднимаюсь с места, стремясь избежать еще одного оскорбления. Франсуа протискивается мимо меня, глядя куда-то в сторону. «Это твой звездный час!» шепчет брюнетка, «Давай, не тормози!» Убедившись, что на меня не смотрят, я запускаю дрожащие пальцы в оставленную владельцем на сидении старенькую толстовку. Левый карман пуст. В правом обнаруживаются мятая пачка сигарет и связка ключей. Я ошалело оглядываюсь в поиске других возможных хранилищ крошечного бумажного богатства. Таковых не обнаруживается. Скорее всего Франсуа запихнул счастливый билетик в кошелек. А кошелек? В рюкзаке на верхней полке? Вероятнее всего. Но если я стану его вытаскивать, подобные манипуляции точно не останутся без внимания. Да, и сам хозяин этой дряхлой ручной клади не первой молодости не замедлит появиться. «Надо было слабительного ему подсыпать» с опозданием советует блондинка, «Тогда бы он надолго застрял. У тебя было бы время обшарить все его барахло». Возвращение Дюбуа в мокрых джинсах прерывает полет этой богатой идеи. Его фасад выражает глубочайшее недовольство всем и вся (в первую очередь, надо думать, фактом моего существования). Вот ведь мне подфартило. И угораздило же напороться на такого апатичного бирюка. Понятно теперь, почему он на сайтах ищет блондинок. Похоже, что этот вялый брюзга способен воспринимать женщин только в электронном виде. Подлизываться дальше смысла не имеет, надо менять тактику. Я молча пропускаю мрачного попутчика на его место и утыкаюсь в свой целенький (!) айфон. Смотри, и завидуй! Некоторое время он обиженно пытит, уставившись в окно. Реальные, не пиксельные пейзажи не вызывают у него энтузиазма. «Ловись рыбка большая и маленькая» мысленно скандирую я, наблюдая уголком правого глаза за дующимся соседом. О, кажется, клюет. Франсуа, откашлявшись, обращается ко мне. «Слушайте, вы предали мне воспользоваться вашим телефоном...» Я молчу, выжидая продолжения. Облегчать ему задачу я не собираюсь. Надо показать, что и я не лыком шита. И каяться всю оставшуюся жизнь перед каким-то кудлатым мужланом за свою крошечную оплошность не намерена. «У меня очень важная встреча в Париже. А я не знаю даже адреса...» продолжает тем временем мужлан. Уровень раздражения в его голосе упал на десять делений. Но приветливость как была на нуле, так и осталась. Я протягиваю свое средство связи, сопровождая этот жест беглым взглядом с легким вкраплением кокетства. Взгляд Франсуа игнорирует, а за мобильный хватается с рвением утопающего. «Пожалуй, совсем и неплохо, что ты лишила этот ассоциальный элемент портативного окошка в мир» делает наблюдение брюнетка, «Лучшего способа привязать его к себе нарочно придумать было бы сложно». Дюбуа активно стучит по клавишам. Потом, обнаружив, видимо, нужную информацию, вытаскивает из недр своего рюкзака потрепанную книжечку (я успеваю ухватить название – «La fiscalité locale en question») и царапает огрызком карандаша на последней пустой странице неразборчивые каракули, которые, по моим подсчетам, должны быть адресом парижского офиса Francaise des Jeux. А с чтивом-то я однозначно прочиталась! В профиле Франсуа ничто не предвещало этого извращенного увлечения системой налогообложения. «Я еще сделаю один короткий звонок?» бросает мне скорее утверждение, чем вопрос неухоженный фискалист. Я безразлично киваю. «Алло, привет!» шепчет в трубку

Дюбуа, отвернувшись к окну. «Не звони на мой номер, у меня телефон сломался. Я сам тебе позвоню, как смогу. Да, не, все в порядке. В порядке, я говорю. Все, не могу долго говорить. Пока!» С моего места, к сожалению, не слышно второй стороны диалога. Мне не удается даже констатировать пол собеседника. Франсуа возвращает мне мою собственность. «Спасибо!» «Пожалуйста» отвечаю я, надеясь на продолжение беседы. Но мой смурной сосед не изъявляет на малейшего желания развивать знакомство. Он сворачивается в клубок, накрывается своей непрезентабельной толстовкой и делает вид, что мгновенно провалился в сон. За какие же грехи мне досталось такое наказание? Что теперь делать с этим снусмумриком? Еще раз окатить его кофе наверно будет через чур. Хотя очень хочется. Или огреть налогообложением по нечесаной голове. И крикнуть ему в ухо – «Проснись, олух! Ты – миллионер! Едешь в Париж! Рядом с тобой очаровательная блондинка с расстегнутой пуговицей на роскошной груди. А ты тут тухнешь из-за какого-то жалкого айфона!» Как все-таки неудачно Всевышний выбрал мишень своей щедрости. В раздумьях о витиеватой стратегии дальнейшей атаки я не замечаю, как засыпаю. Будит меня струя холодного воздуха, нагло забравшаяся за шиворот моей блузки. Осмотревшись, я обнаруживаю, что возлежу наполовину на соседнем кресле, которое почему-то пусто. Куда это подевался наш денежный мешок? «Вот так и проспала свою удачу» брюзжит брюнетка. «Все пропало, шеф» вопит блондинка голосом Миронова в фильме «Брильянтовая рука». Узрев свисающую с полки серую лямку рюкзака, я немного успокаиваюсь и хватаюсь за пудреницу, чтобы удостовериться в сохранности макияжа. Вскоре беглый Франсуа возвращается на свое сидение, благоухая табаком. Меня он по-прежнему упорно не замечает. Ладно, этот спектакль немного затянулся, зрители на задних рядах, нацеловавшись вволю, синхронно храпят. Пора переходить ко второму более динамичному акту. Актеры, срочно в гримерку! Я отправляюсь в туалет. Внимательно осматриваю свою физиономию в зеркале. Сон пошел мне на пользу, щеки посвежели, мешочки под глазами заметно уменьшились в объеме. Отлично. Побрызгавшись духами и освежив полость рта, я аккуратно закапываю глаза физраствором, следя, чтобы ни в коем случае не растеклась тушь. Ну вот, трагическая маска готова. Берегись, непробиваемый наш, в ход идет тяжелая артиллерия. Я опускаюсь рядом с Франсуа и начинаю настойчиво хлюпать носом. Не знаю, привлек бы внимание этого аутиста мой импровизированный насморк, но тут на мое счастье, Дюбуа решает снова воспользоваться моим айфоном. «Извините, не могли бы вы...» начинает фразу он и замолкает, натолкнувшись на мои «заплаканные» глаза. «Ну, давай же, любитель налогообложения, докажи, что в тебе еще остался грамм человечности!» «У вас что-то случилось?» впервые за все время предсказуемо реагирует мой подопытный. «Да, так...» делаю неопределенный жест я. «Не жеманничай!» советуат брюнетка «А то сейчас скажет «ну, и ладно, дай мобильник, позвонить надо». И правда, во взгляде Франсуа проскальзывает легкая тень нетерпения. «Такая ситуация...» бормочу я, решив не дожидаться, пока он оборвет мои рассусоливания своей конкретной просьбой, «Я должна была у подружки ночевать, а она в последний момент передумала. С мужем поссорилась. Говорит, ей не до меня. А у меня собеседование важное – преважное завтра в 10. Что теперь делать непонятно. Ну, да, ладно. Вы телефон хотели одолжить?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.